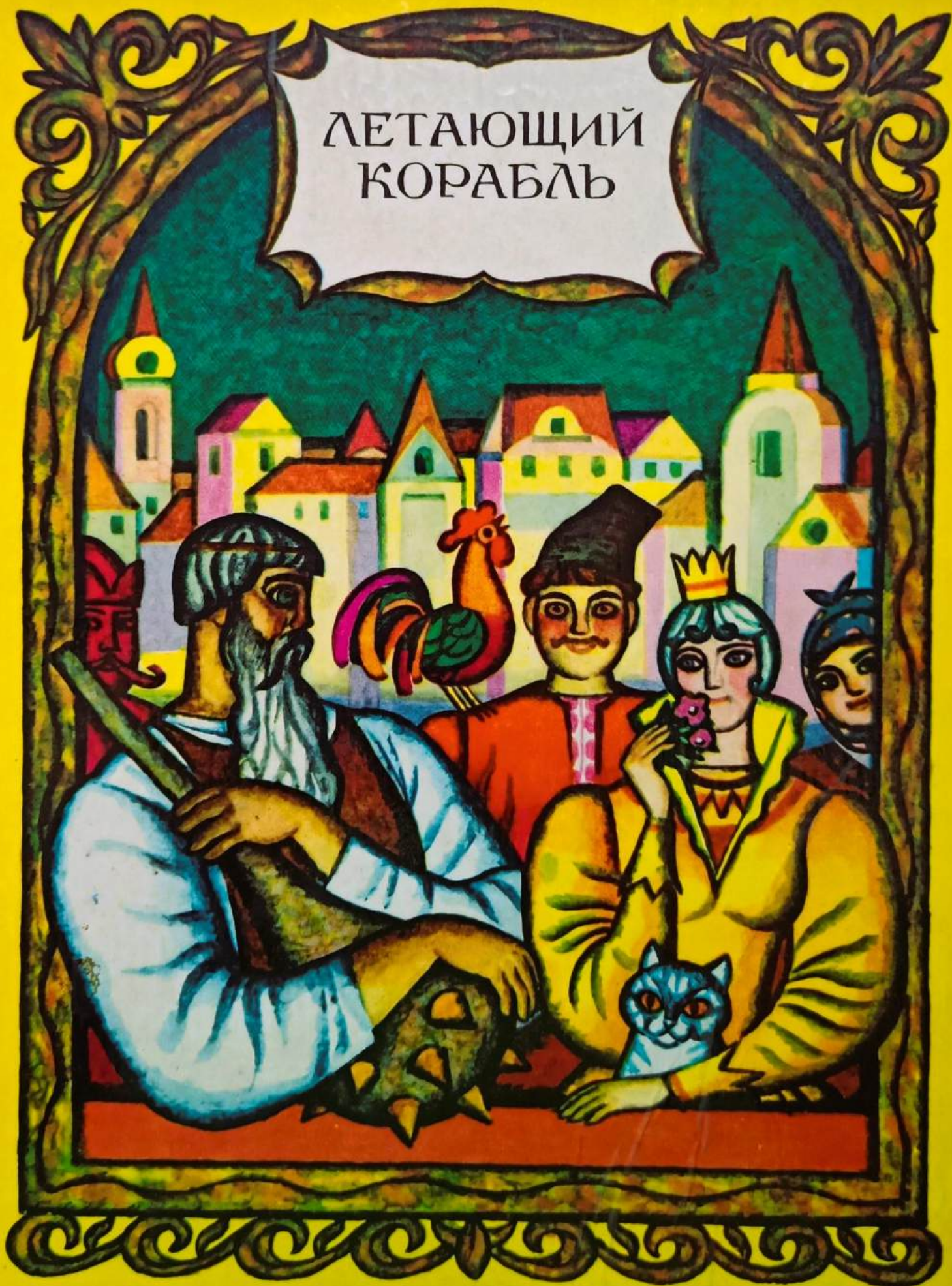

ЛЕТАЮЩИЙ
КОРАБЛЬ

ХУДОЖНИКИ
АДЕЛЬ ГИЛЕВИЧ,
НИНА ДЕНИСОВА,
ЮЛИИ КРЫГА,
АРКАДИИ МИЛЬКОВИЦКИЙ,
ОЛЬГА СЕНЧЕНКО

ЛЕТАЮЩИЙ КОРАБЛЬ

УКРАИНСКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ

Для дошкольного
и младшего школьного
возраста

КИЕВ «ВЕСЕЛКА» 1981

Составитель
ЕВГЕНИЯ ГОРЕВАЯ

Рецензент
АНАТОЛИЙ КОСТЕЦКИЙ

Летающий корабль:
Украинские народные сказки. Для дошкол. и мл. школ. возр. (Пер. с укр. Р. З. Заславского, В. Е. Карасевой, Г. Н. Петникова, Е. П. Чеповецкого, И. И. Шкаровской. Худож. А. Г. Гилевич, Н. М. Денисова, Ю. И. Крыга, А. С. Мильковицкий, О. П. Сенченко). — К.: Веселка, 1981. — 164 с., ил.

Сборник популярных украинских народных сказок в художественном оформлении лучших художников республики.

70801—152
Л М206(04)—81 218.81.4803010200.

© Издательство «Веселка», 1981,
перевод на русский язык.

КИРИЛО КОЖЕМЯКА

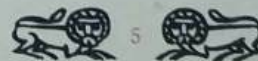

Жил когда-то в Киеве некий князь, и был возле Киева Змей, и каждый год посылали ему дань: молодого парубка или дивчину.

Вот подошёл черёд дочки самого князя. Нечего делать: раз горожане давали, надо и ему давать. Послал князь свою дочку в дань Змею.

А дочка была такая красивая, что и не рассказать. Вот Змей её и полюбил. И стала она к нему ластиться и спрашивает у него однажды:

— Есть ли, — говорит, — на свете такой человек, что мог бы тебя одолеть?

— Есть, — говорит, — один такой в Киеве, живёт над Днепром. Как затопит он печь в хате, так дым под самые небеса подымается; а как выйдет к Днепру кожи мочить (ведь он кожемяка), то несёт не одну, а сразу двенадцать; и как намокнут они в Днепре, я возьму да за них и уцеплюсь, вытащит, мол, он или нет? А ему всё равно: как схватит, то и меня заодно с ними чуть на берег не вытащит. Вот его одного только и боюсь.

Запало это в голову княжне, думает: как бы ей весточку домой подать да на волю к отцу выбраться? А при ней не было ни души, только один голубок. Выкормила она его ещё в то счастливое время, когда в Киеве жила. Думала, думала, а потом взяла и написала отцу-батюшке: «Вот так, мол, и так, говорит. Есть у вас, батюшка, в Киеве человек по имени Кирило, а по прозвищу Кожемяка. Просите его через старых людей, не согласен ли со Змеем сразиться, не вызволит ли меня, бедную, из неволи! Просите его, и словами и подарками, да чтоб не обиделся он за какое случайное слово!»

Написала так, под крылышко голубка привязала да и вы-

пустила в окно. Взмыл голубок под облако и прилетел домой, к князю на подворье. А как раз в ту пору по двору бегали дети.

— Батюшка, батюшка, — говорят, — видишь, голубок прилетел от сестрицы?

Возрадовался князь поначалу, а потом подумал и опечалился: «Загубил уже, верно, проклятый ирод моё дитятко».

А потом приманил к себе голубка, глядь — а под крылышком грамотка. Он за грамотку. Читает, а дочка и пишет: так, мол, и так. Вот призвал он тотчас к себе всю старшину.

— Есть ли такой человек, что прозывается Кожемякой?

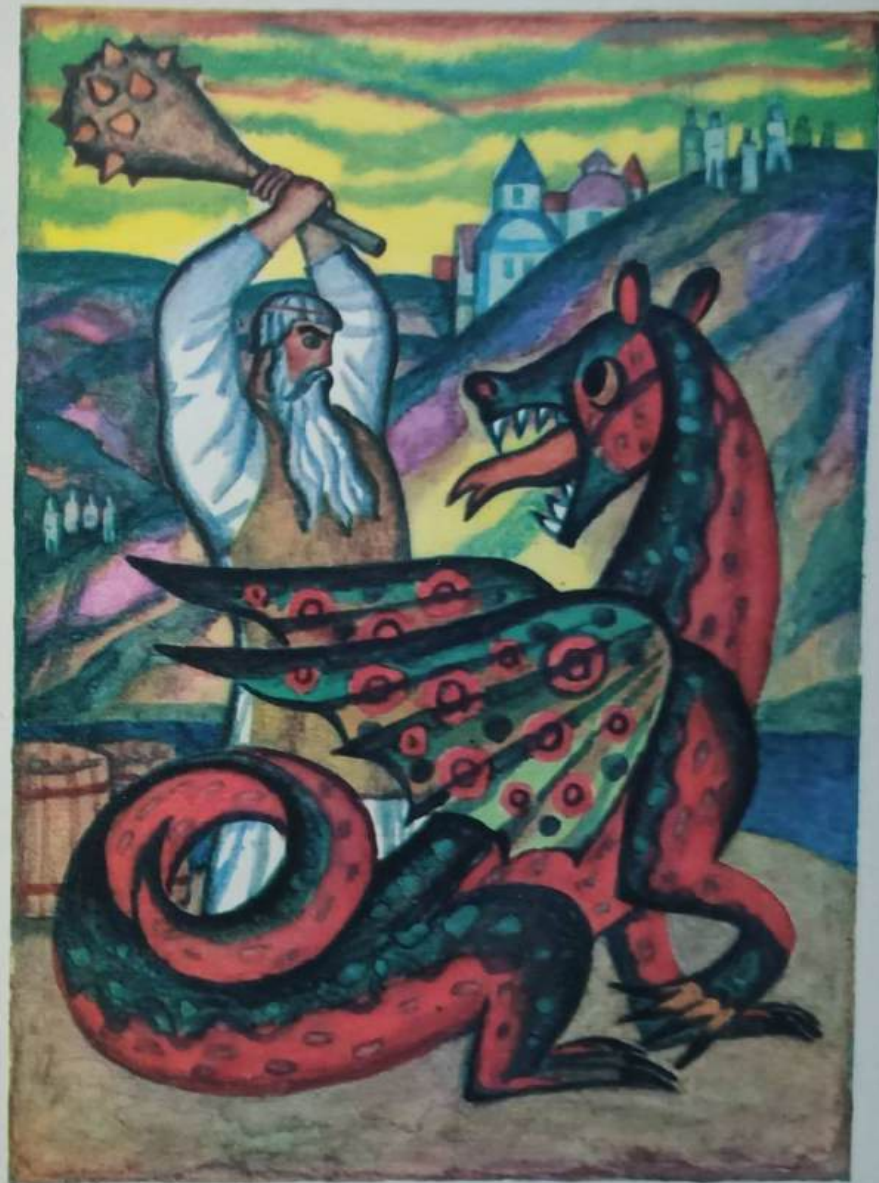
— Есть, князь. Живёт над Днепром.

— А как бы к нему подступиться, чтоб не обиделся?

Вот посоветовались да и послали к нему самых старых людей. Подходят они к его хате, отворили потихоньку двери да так и оробели. Смотрят — сидит на земле сам Кожемяка к ним спиной и мнёт руками двенадцать кож, и только видать, как большущей седой бородой качает! Вот один:

— Кахи!

Встрепенулся Кожемяка, а двенадцать кож только — хлоп,

хлоп! — и лопнули все. Обернулся к ним, а они ему в пояс:

— Вот так и так, прислал к тебе князь с просьбой.

А он и не смотрит, не слушает: рассердился, что двенадцать кож из-за них порвал.

Они снова давай его просить, давай умолять. Вот беда! Просили, просили да так и пошли, головы понуря.

Как тут быть? Печалится князь, печалится старшина.

— А не послать ли нам ещё и молодых?

Послали людей помоложе — и те ничего не поделают. Молчит и всё, будто не к нему и обращаются

Пораздумал князь и послал к нему малых детей. Они пришли да как начали просить, как стали на колени да как заплакали, тут уж и Кожемяка не вытерпел, сам заплакал:

— Ну, для вас-то я сделаю!

И пошёл он к князю.

— Давайте же мне, — говорит, — двенадцать бочек смолы да двенадцать возов конопли!

Обмотался коноплём, осмолился хорошенько смолой, взял такую булаву, что, может, в ней пудов десять, да и двинулся к Змею. А Змей и говорит:

— Ну что, Кирило, биться пришёл иль мириться?

— Да где уж мириться? Биться с тобой пришёл!

Вот и начали они биться, так земля и гудит. Что ни разбежится Змей да ухватит Кирило зубами, так кусок смолы и вырвет; что ни разбежится да ухватит, так клочок конопли и вырвет. А он его здоровенной булавой как ударит, так в землю и вгонит. А Змей, как огонь, пылает, так ему жарко; и пока сбегает к Днепру напиться да прыгнет в воду, чтобы слегка поостыть, то Кожемяка уже коноплём обмотался да смолой осмолился. Вот выскакивает из воды проклятый ирод и только разгонится навстречу Кожемяке, а тот его булавою и хват — только эхо прокатится! Бились, бились — только пыль столбом да искры скачут. Разогрел Кирило Змея получше, чем кузнец лемех в горне, — так и фыркает, так и захлёбывается окаянный, а под ним земля стонет.

На горах народ стоит: ждёт, что оно будет! А тут Змеище — бух! Аж земля затряслась! Народ так и всплеснул руками:

— Ай да Кирило! Ай да Кожемяка!

С того времени и стало называться то урочище, где Кирило жил, Кожемяками.

КУРОЧКА РЯБА

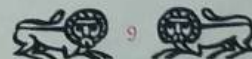
или-были дед да баба, и была у них курочка ряба. Снесла курочка яичко.

Дед бил, бил — не разбил, баба била, била — не разбила.

Бежала мышка, хвостиком задела, яичко упало и разбилось.

Дед плачет, баба плачет, а курочка кудахчет:

— Не плачь, дед, не плачь, баба, снесу я вам яичко не простое — золотое.

СКАЗКА ПРО ИВАСИКА

или себе муж с женой, и был у них сыночек единственный Ивасик. Как подрос немножко Ивасик, стал просить отца:

— Сделайте мне, батько, лодочку да вёслашко, буду я ловить рыбку и вас на старости лет кормить.

— Куда тебе, сынок, мал ты ещё, — говорит отец. А он своё: сделайте да сделайте.

Вот смастерил ему отец лодочку и вёслашко, и стал Ивасик рыбачить. Поплывёт далеко-дальненько речкой, а мать тем временем ему есть наварит, в два горшочка нальёт, возьмёт ещё и рубашечку белую

для Ивасика, пойдёт к берегу, станет и кличет:

Ивасику, Ивасику,
Приплынь-приплынь
Ко бережку:
Дам я тебе и есть и пить,
И хорошо походить.
А Ивасик услышит:

— Да ведь это моей матушки голосок. Плыви, плыви, лодочка, к бережку.

Приплывёт, пообедает, рубашечку белую возьмёт, поблагодарит, отдаст матери наловленную рыбку и снова на речку.

Углядела Ивасика ведьма да и говорит себе:

— А неплохо было б Ивасикового мясца отведать. Ну-ка заманю я его.

Стала она обеденной порой на бережке, зовёт:

Ивасику, Ивасику,
Приплынь-приплынь
Ко бережку:
Дам я тебе и есть и пить,
И хорошо походить.

Послушал-послушал Ивасик:

— Нет, не моей матушки это голосок: у моей матушки голосок, как из шёлка, а это такой, как у волка. Плыви, плыви, лодочка, подальше!

Смекнула ведьма, что так не заманит, побежала к кузнецу:

— Кузнец, скуй ты мне такой голосок, как у Ивасиковой матери.

Кузнец сковал ей тоненький голосок, пошла она на речку и уже новым голоском кличет Ивасика:

Ивасику, Ивасику,
Приплынь-приплынь
Ко бережку:
Дам тебе и есть и пить,
И хорошо походить.

— Вот это моей матушки голосок. Плыви, плыви лодочка, к бережку.

Только Ивасик на бережок, а ведьма его — цап! да и потащила в свою хату. Принесла да и говорит дочке:

— Вот тебе, Алёнка, мальчонка, зажарь мне его на обед.

— Хорошо, мама, — отвечает Алёнка. — Я уже печь истопила.

— Тогда я за солью пойду, — говорит ведьма, — а пока вернись, чтобы жаркое было готово.

Пошла ведьма за солью, а Алёнка взяла лопату и говорит Ивасику:

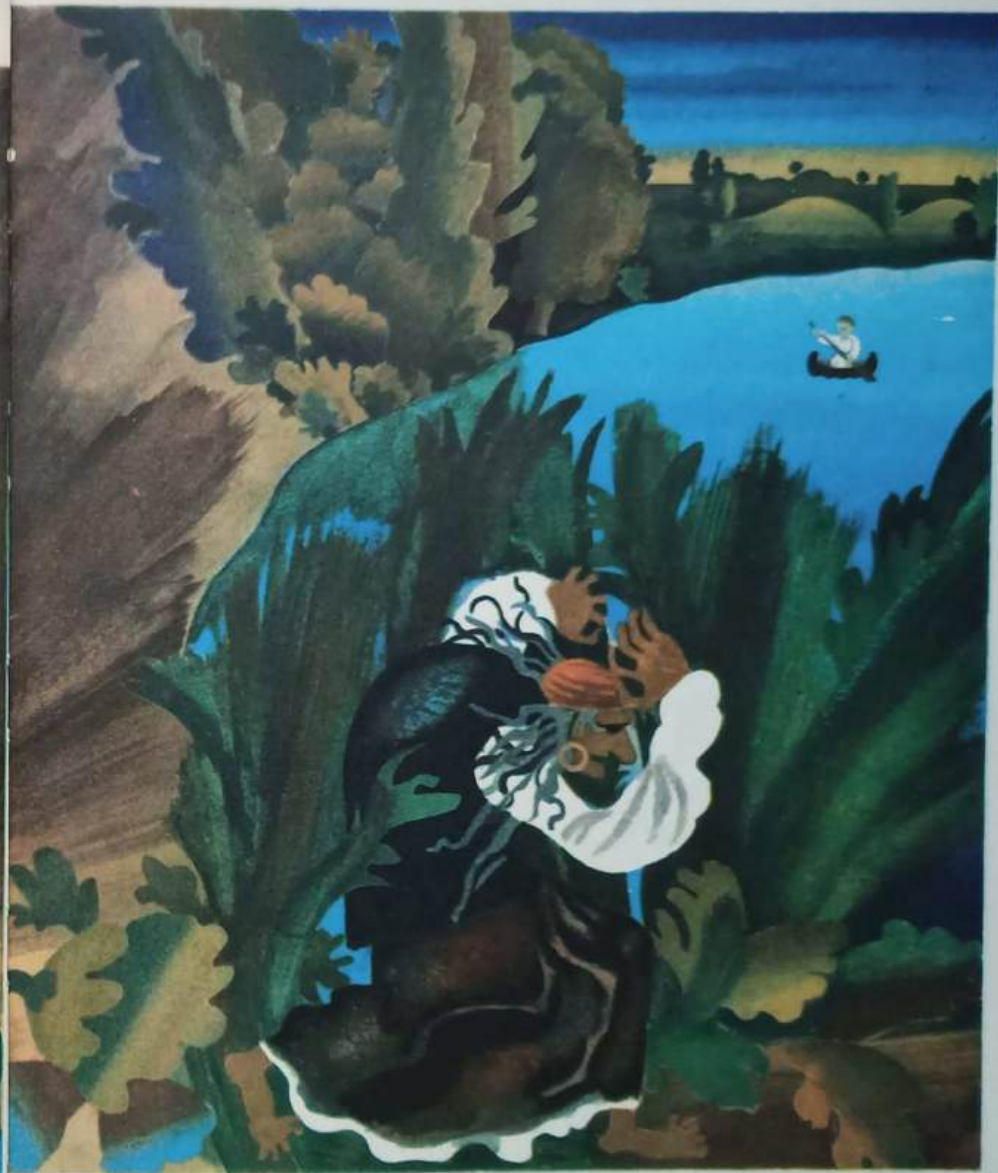
— Садись, хлопец, на лопату.

— Да я не умею!

— Садись же, садись!

А Ивасик то руку положит, то голову, а всё не садится, будто не умеет, а потом Алёнке:

— Ты покажи мне, как сесть, я и сяду.

— Да вот же как, гляди!

Уселась Алёнка на лопату, а Ивасик её — хлоп! — и в печь, заслонкой закрыл, там она и изжарилась.

Выбежал Ивасик из хаты, вдруг слышит — ведьма идёт.

Он стремглав на явор влез, спрятался и сидит.

Вошла ведьма в хату, видит — нет Алёнки.

— Ну, проклятая девка! Только я из хаты, а она уже и умчалась. Вот я задам тебе! Что ж, сама пообедаю.

Вытянула из печи жаркое, наелась, пошла улеглась под явором и ну качаться:

— Покатаюсь, поваляюсь, Ивасикового мясца наевшись.

А Ивасик не вытерпел да с явора ей:

— Покатайся, поваляйся, Алёнкиного мясца наевшись!

— А, так ты тут, такой-сякой разбойник! Погоди же, всё равно съем я тебя!

И принялась ведьма явор грызть; грызёт и зубами щёлкает. Видит Ивасик, плохи дела, а тут глядь: гуси летят.

Он им:

Гуси, гуси, лебёдушки!
Возьмите меня на крылышки,
Понесите меня к батюшке,
А у батюшки и есть и пить,
И хорошо походить.

А они говорят:

— Нам некогда, пусть тебя задние возьмут.

И полетели.

А ведьма всё грызёт, аж трясётся явор.

Подлетели задние гуси, Ивасик к ним:

Гуси, гуси, лебёдушки!
Возьмите меня на крылышки,
Понесите меня к батюшке,
А у батюшки и есть и пить,
И хорошо походить.

— Пусть тебя последняя возьмёт! — сказали да и полетели.

А ведьма уже так явор подгрызла, что он наклонился, вот-вот упадёт.

А тут летит гусочка; одно крылышко у неё перебито, от стаи она отбилась да так сама позади и летит.

Ивасик заплакал и к ней:

Ой гусочка-лебёдушка,
Возьми меня на крылышко
Да понеси к батюшке,
А у батюшки и есть и пить,
И хорошо походить.

Пожалела гусочка Ивасика:
— Ладно уж, садись, может, как-нибудь и долетим.

Сел на неё Ивасик, и полетели.

Ведьма как увидела, что Ивасик удрал-таки, рассвирепела да так надулась, что и лопнула.

А Ивасик с гусочкой полетели-полетели да под батюшкиным оконцем и сели. Стал Ивасик под окошком и слушает, что там старики говорят. А там мать пирожки из печи по два вынимает, кладёт их на окошко да приговаривает:

— Это тебе, дедушка, а это мне, дедушка.

Ивасик из-за окна и отзывается:

— А Ивасику и нету!

— Ой, старик, — говорит мать, — что-то мне будто голос Ивасика слышится!

— Да где там, старуха, нашего Ивасика уже и на свете нет.

Утёрла старая слёзы и опять к пирожочкам:

— Это тебе, дедушка, а это мне.

Ну а Ивасик снова:

— А Ивасику и нету!

— Да нет, старик, — говорит мать, — я хорошо слышу, это он.

Вышли старики за порог, глядь: Ивасик стоит под окошком. Поздоровались, обнялись на радостях и рады-радехоньки! Мать Ивасику и головку помыла, и рубашечку белую дала, и накормила, а гусочке самого лучшего зерна насыпала.

Так и стали они вместе жить. И до сих пор живут да хлеб жуют.

СОЛНЦЕ, МОРОЗ И ВЕТЕР

 ли однажды по дороге солнце, мороз и ветер, шли втроём и встретили человека. Взглянул человек на них и говорит:

— Здравствуйте!

И пошёл дальше.

Стали они между собой спорить: кому из них он сказал «Здравствуйте!». Догоняют его и спрашивают:

— Кому из нас, человек, ты пожелал здравствовать?

А он и спрашивает:

— А вы кто такие?

Один говорит:

— Я — солнце.

Другой:

— Я — мороз.

А третий:

— А я, — говорит, — ветер.

— Ну, значит, я ветру ска-
зал.

Тогда солнце и говорит че-
ловеку:

— Я тебя в жатву сожгу.

А ветер:

— Не бойся, в жару повею
холодом.

А мороз хвастает:

— А я тебя зимой заморожу.

— А если ты, мороз, на-
чнёшь морозить, то я не стану
дуть — вот человек и не за-
мёрзнет.

ПРО БЕДНОГО ПАРУБКА И ЦАРЕВНУ

Стояла в лесу хатка, а в той хатке жила женщина с сыном. Поля у них не было, только лес густой вокруг, а хлеб они покупали. Не стало у них хлеба, вот и послала женщина сына своего за хлебом.

— На тебе, — говорит, — сынок, эти деньги да по-
йди купи хлеба.

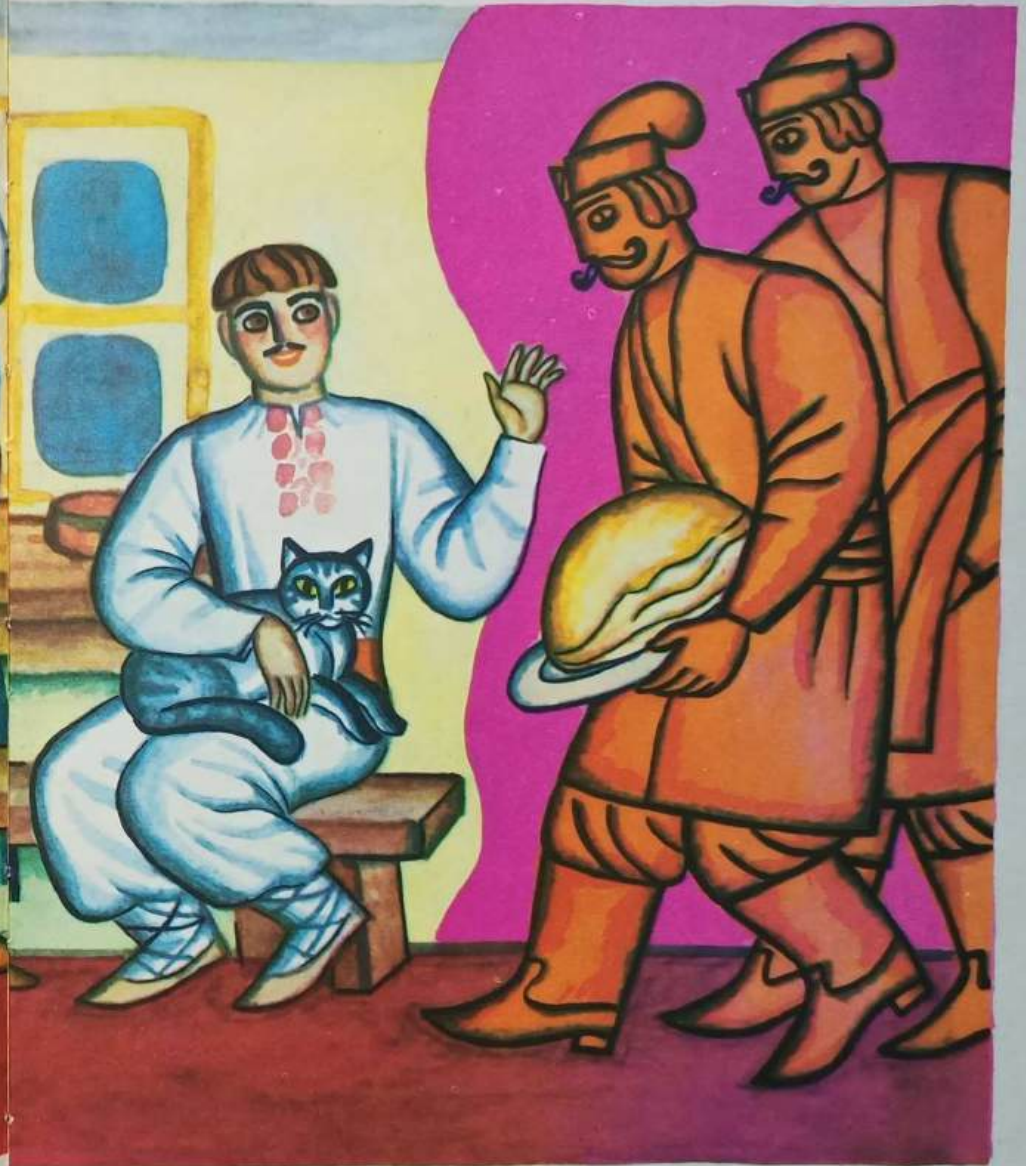
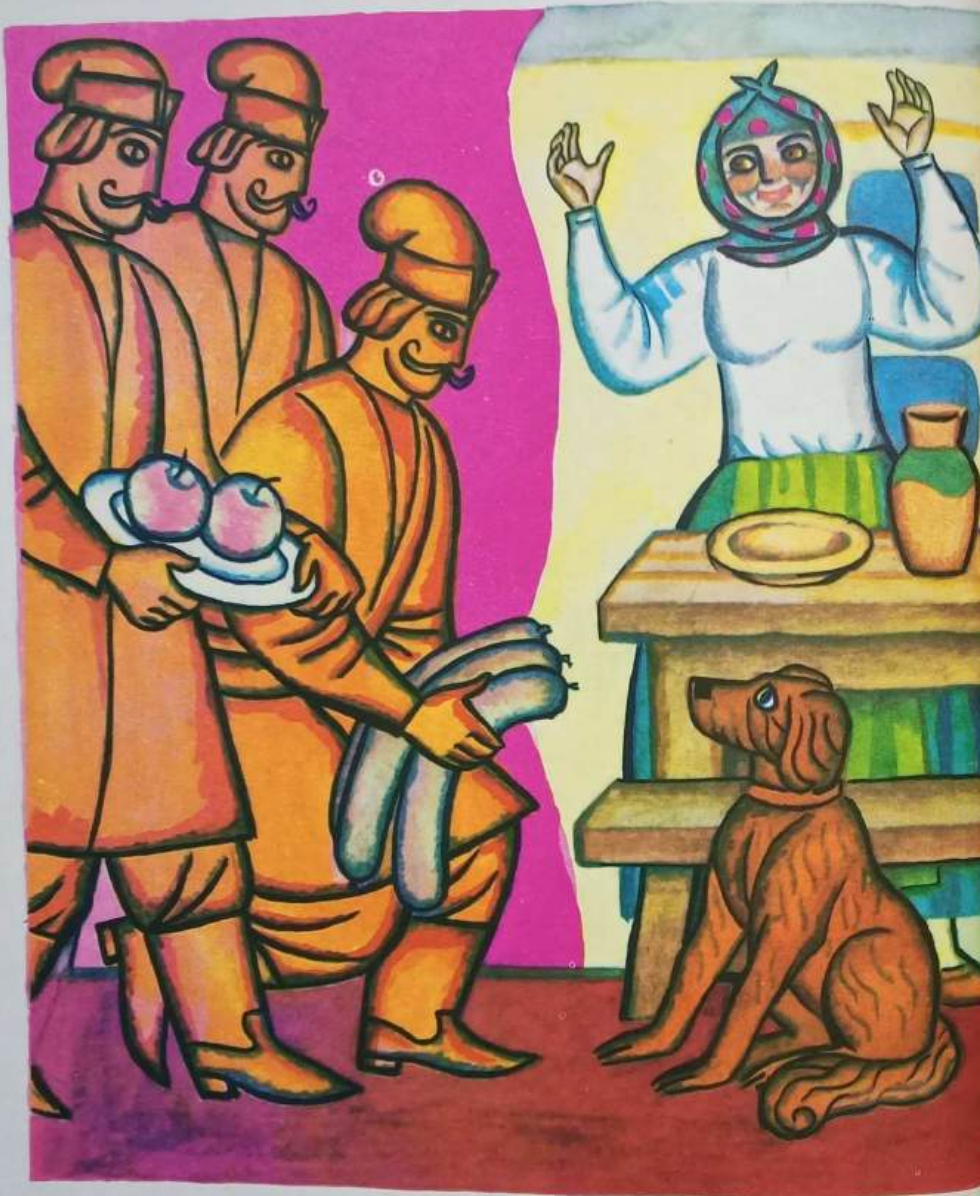
Взял сын деньги и пошёл. Идёт, идёт, вдруг ви-
дит — ведёт человек собаку.

— Здорово, дяденька!

— Здорово!

— Куда ты собаку ведёшь?
— Поведу, — говорит, — в лес да повешу, а то уже старая стала, ни на что не годная.

— Не вешай её, человеке добрый, лучше мне продай!

— Купи!

— А что же ты хочешь за неё?

— А что ты дашь?

Вот отдал он те деньги, что мать ему дала на хлеб, а собаку взял и повёл домой. Пришёл домой, а мать его и спрашивает:

— Ну что, сынок, купил хлеба?

— Нет, мама, не купил.

— Отчего же ты не купил?

— Я шёл, вдруг гляжу, — ведёт человек собаку вешать, вот я взял и купил её.

Дала мать денег и послала снова за хлебом. Пошёл он, глядь — несёт человек кота.

— Здорово, дяденька!

— Здорово.

— Куда ты, дяденька, идёшь?

— Несу кота в лес.

— Зачем же ты его несёшь в лес?

— Повешу. Нельзя из-за него ничего в хате держать: что ни поставишь, что ни положишь, уж того он не упустит.

— Ты бы, — говорит, — мне его продал!

— Купи!

— Что ж тебе дать за него?

— Я не буду торговаться: что дашь, за то и продам.

Вот он те деньги, что мать ему дала на хлеб, отдал, взял кота и пошёл домой. Приходит, а мать его и спрашивает:

— А где же ты хлеб дел?

— Да я и не купил!

— Почему же ты не купил?

Где же ты деньги дел? Может, ещё горюшко какое купил?

— Купил, — говорит.

— Зачем же ты купил?

— Нёс человек кота в лес и хотел его повесить, так мне его жалко стало, я взял да и купил.
— На тебе ещё денег, да гляди уж, — ничего не покупай: в хате и крошки хлеба нет.

Пошёл он. Идёт, идёт, вдруг видит — бьёт человек змею.

— Зачем ты, — говорит, — человеке, змею бьёшь? Ты бы лучше мне её продал.

— Купи, — говорит, — продам.

— Что ж тебе дать?

— Что дашь, то и будет.

Отдал он ему все деньги. Тот человек забрал и пошёл дальше, а змея и говорит:

— Спасибо тебе, человек добрый, что ты спас меня от смерти. Вот возьми этот перстень: если тебе что-нибудь понадобится, ты перебрось его

с одной руки на другую — к тебе тотчас прибегут слуги. Что бы ты им ни приказал, что бы ни пожелал — всё сделают.

Взял он перстень и пошёл домой. Подошёл к хате, перебросил перстень с одной руки на другую — прибежало столько слуг, и не сосчитать!

— Чтобы у нас, — говорит он им, — был хлеб!

Только сказал, а тут уже хлеба столько нанесли, что ужас!.. Зашёл он в хату да и говорит матери:

— Ну, теперь, мама, уж не будем хлеб покупать: дала мне змея такой перстень, что если перебросить его с одной руки на другую, то сейчас же прибегут слуги: что бы я им ни говорил, что бы ни повелел, — всё сделают.

— За что же она тебе дала?

— За то, что спас от смерти. Человек хотел убить её, а я у него купил за деньги, что вы дали на хлеб.

Ну так они и живут, и собачка да кот вместе с ними. И только он чего пожелает, — в ту же минуту перстень перебросит, слуги прибегут и сделают всё, что надо.

Вот захотелось ему жениться. Он и говорит своей матушке.

— Пойдите, матушка, да сватайте мне царевну.

Пошла она к царевне, рассказала, зачем пришла, а царевна и говорит:

— Коль сошьёт твой сын такие башмачки, чтобы по моей ноге пришлись, тогда пойду за него замуж.

Пошла она домой да и говорит сыну:

— Сказала царевна, если сошьёшь для неё башмачки, чтобы по её ноге пришлись, пойдёт она за тебя замуж.

— Хорошо, — говорит, — сошью.

Вечером вышел во двор, перебросил с руки на руку перстень, — сразу же сбежалось слуг видимо-невидимо. Вот он и говорит им:

— Чтобы мне до утра были башмачки, золотом шиты, а серебром подбиты, и чтобы те башмачки царевне по ноге пришлись.

На другой день проснулся он, — башмачки уже готовые стоят.

Взяла мать башмачки и понесла царевне.

Примерила она, — как раз по её ноге. Вот она и говорит:

— Скажи своему сыну, чтобы сшил мне за одну ночь платье к венцу и чтобы платье то

было не длинно и не коротко, не узко и не широко — чтобы как раз по мне было.

Приходит мать домой и говорит:

— Сказала царевна, чтобы ты сшил ей за ночь к венцу платье и чтоб то платье было не длинно и не коротко, не узко и не широко, чтоб оно только по ней и пришлось.

— Хорошо, — говорит, — мама, ложитесь спать: все сделаю, что только она прикажет.

Улеглись спать, а он вышел во двор, перебросил перстень с руки на руку — тотчас слуги сбежались.

— Чтобы мне, — говорит, — до утра было платье из такой ткани, что светится, словно солнце, и чтобы платье то как раз по царевне пришлось.

— Хорошо, всё сделаем.

Лёг он спать. На другой день поднимается и говорит матери:

— Ну, идите, мама, к царевне и несите платье. Что ещё она скажет?

— Что же я, — говорит, — понесу, сынок? Где же платье?

Пошёл он к столу, поднял платок, а в хате так и засверкало, словно солнце взошло.

— Вот, мама, на столе платье лежит под платком, — несите царевне.

Взяла она платье и понесла. Приходит к царевне, а та и спрашивает:

— Что ты нам скажешь, женщина добрая?

— Принесла, — говорит, — вам платье к венцу.

Как развернула она платье, — так в покаях и засверкало всё.

Надела его царевна, стала перед зеркалом, оглядела себя — даже подпрыгнула: обрадовалась, что такой красавицей стала. Прошла разок по светлице, прошла другой — ну просто как солнышко: так и сияет вся!

— Вот что, — говорит, — женщина добрая, пусть он мне ещё построит мост от моего дворца до той церкви, где мы будем венчаться, и чтобы мост был из серебра и золота. Когда мост сделает, тогда и пойдём к венцу.

Приходит женщина домой да и говорит сыну:

— Сказала царевна, чтоб мост был от того дворца, где она живёт, до церкви и чтобы сделал ты мост из золота и серебра.

— Ладно, — говорит, — мама, ложись-ка отдыхать.

Улеглись вечером спать, а он вышел во двор, перебросил с

руки на руку перстень, — слуг набежало — не счесть, даже двор тесным стал. Он и говорит:

— Чтобы мне до утра был мост из серебра и золота от дворца царевны до церкви, — я там буду венчаться, — и как поеду я туда с царевной, чтоб по обеим сторонам цвели яблоньки, груши, вишни, черешни, а когда возвращаться стану, чтобы всё уже поспевало.

— Хорошо, — говорят, — до утра всё будет так, как вы желаете.

На другой день поднимается он, вышел из хаты, как вдруг видит — стоит мост и по обеим сторонам сады цветут. Вернулся он в хату и говорит:

— Идите, мама, да скажите царевне, что уже и мост готов, пусть под венец идёт.

Пошла мать к царевне, сказала ей, а она и говорит:

— Я уже мост видела, — очень красивый мост. Скажи ты своему сыну, пусть приезжает венчаться.

Пришла женщина домой и говорит сыну:

— Сказала царевна, чтобы ты завтра ехал венчаться.

Вот через день построил он себе дворец, а потом и повенчались с царевной и возвраща-

ются назад, а на мосту уже всё поспевает: и яблоки, и груши, и вишни, и черешни, и всякая всячина, какая только есть на свете...

Приехали они во дворец, сыграли свадьбу да и живут. И собачка да кот с ними. Живут-поживают, вот однажды царевна и спрашивает своего мужа:

— Скажи мне, милый, как ты сшил мне башмачки и платье: ты ведь с меня мерки не снимал? Как ты за одну ночь построил такой мост и где раздобыл столько золота и серебра?

— У меня, — говорит, — есть вот этот перстень: как только переброшу его с одной руки на другую, сейчас же сбегается ко мне слуг полон двор. Чтоб я им не повелел — всё делают. Это они пошили и башмачки, и платье, построили мост и дворец, в котором мы живём, — всё они мне делают.

Вот дождалась она, когда муж заснул крепко, потихоньку сняла с него перстень, перебрала с руки на руку, и тотчас же страх сколько слуг набежало. Она им и говорит:

— Чтобы сейчас же тут были и кони, и карета, — я поеду в свой дворец, а чтоб из этого дворца сделали вы столб такой,

где мужу моему можно было бы только стоять и лежать, и сейчас же чтобы столб этот перенесли за море. Да смотрите мне, чтоб его не разбудили, чтоб он проснулся только лишь в столбе.

— Хорошо, — говорят, — всё будет, как велено.

Вышла она, стоит карета. Села она и поехала. А дворец вмиг столбом стал, — так его и потащили слуги через море.

На другой день поутру высыпается царевнин муж, глядь, ни жены нет, ни дворца, ни перстня, — ничего нет; только столб стоит. Хотел выйти — дверей нет. Пощупал он одну стену, пощупал другую, — нельзя выйти; только и всего, что оконце маленькое светится. Живёт он, горемычный, там — никто ему есть не даёт. Там бы он и умер, и пропал, если б не собачка и кот. Ведь и они в том столбе остались и могли вылезать через оконце. Вот собачка побежит в поле, вытащит из сумы у какого-нибудь хлебобоба кусок хлеба да и принесёт, а кот возьмёт в зубы, взберётся к оконцу и отдаст ему.

Насобирали немного хлеба, вот собачка и говорит коту:

— Что же, — говорит, — есть

у нашего хозяина хлеб, давай пойдём за море, может, как-нибудь и перстень раздобудем.

— Пойдём! — говорит кот.

Ну и пошли. Бегут, бегут, прибежали к морю. Сел котик на спину собаке, и поплыли они. Долго плыли и наконец добрались до берега. Вышли на берег, погрелись на солнце, собачка и говорит:

— Теперь идём ко дворцу, да живёмхонько, чтобы одна нога там, а другая здесь. Когда раздобудем перстень, то побегим что есть силы назад, чтобы, чего доброго, не догнали.

— Ладно, — говорит котик.

Побежали они вдвоём. Бегут и бегут, бегут и бегут. И не отдыхают, а всё бегут. Побегали лес большой. Вдруг видят — стоит дворец и вокруг него стена высокая. Говорит собачка коту:

— Оставайся ты тут, у леса, а я пойду разведую, можно ли во дворец пробраться и выкрасть перстень.

Остался котик. А собачка побежала ко дворцу, видит — у ворот стража. Слышит — старший говорит воинам:

— Сторожите же как следует, чтобы враг не проник.

— Не тревожься, — говорят, — у нас ни птица не

залетит, ни мышь не пролезет.

Походила, значит, собачка, походила у стен — да с тем и воротилась к котику. Пришла, села и печалится.

— Что делать, — говорит, — когда там стена вокруг превысокая, а у ворот стража, да такая, что ни птица не залетит, ни мышь не пролезет.

— Теперь ты останься, — говорит котик, — а я пойду к царевне.

И побежал. Прибегает ко дворцу — стоит стража у ворот и стена вокруг высокая. Он тогда зашёл с другой стороны — да на дерево, что возле стены, да во двор.

Прибежал под окно царевнино да и бегаёт себе.

Подошла царевна к окну, глядит — кот по двору ходит. Она его взяла и впустила в светлицу. Бродит кот по светлицам да всё приглядывается, где царевна перстень прячет... Когда высмотрел, дождался, что все спать улеглись, схватил перстень и побежал. Прибегает к морю, запыхался весь, вскочил собаке на спину, собака бросилась в воду — поплыли.

Вот переплыли они уже и море, вот и берег скоро, собака и спрашивает кота:

— Ну что, держишь перстень?

Кот молчит, ведь перстень у него во рту. А собака опять своё:

— Скажи, я тебя спрашиваю: держишь ли перстень? А то я тебя в море выброшу, если не скажешь.

Молчит кот, а собачка вовсе осерчала:

— Ну, не говоришь — тогда бросаю тебя!

Испугался кот и:

— Держу-у!

А перстень бултых в море!

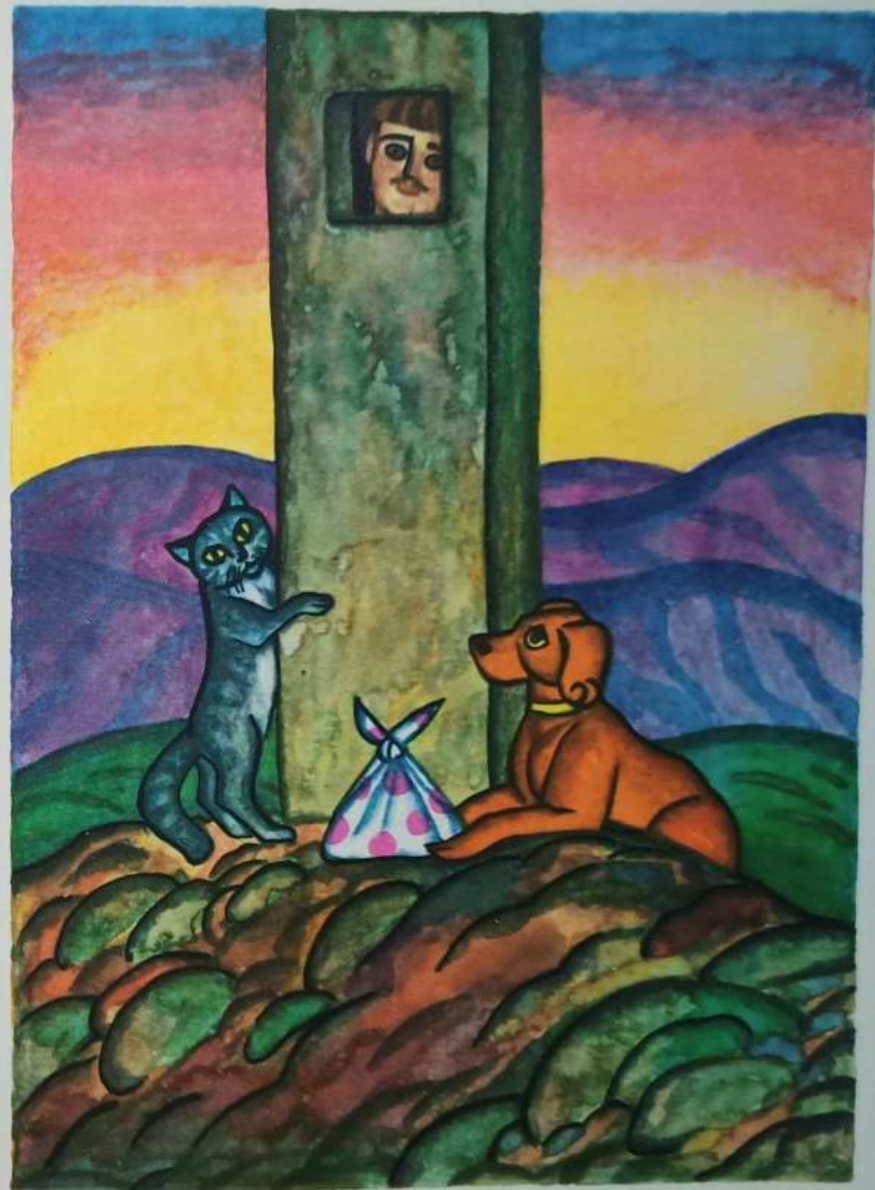
Умолк тогда кот, опять ничего не говорит. Переплыли море, вышли на берег, — кот и напустился на собаку:

— Такая-сякая! Из-за тебя я перстень выронил! Зачем ты меня допрашивала? Теперь лезь в море, ищи перстень! Хочешь не хочешь, а лезь!

Полезла собака, — бродила-бродила, плескалась-плескалась, — нету. Начали они с котом крепко ругаться. А потом и решили:

— Будем ходить у моря да спрашивать, может, найдётся кто-то, кто достанет нам перстень из моря.

Погрелись они немного на солнышке и пошли вдоль берега. Кого встретят, кого увидят —

каждого расспрашивают, может ли он достать перстень из моря, не знает ли, кто бы мог достать; никто такой не попадает. Вот кот и говорит:

— Знаешь что? Пойдём-ка над берегом да лягушек и раков отыщем.

— Хорошо, — говорит собака. — Пойдём!

Вот и пошли. Встретят лягушку и спрашивают:

— Вынесешь нам из моря перстень? Выноси, а то назад в море не пустим.

Поймают какую, а она им и говорит:

— Я знаю, где ваш перстень. Отпустите меня, я вам его принесу.

Они пустят её в море, а она поплывёт да про перстень и не вспомнит.

Поначалу лягушки боялись их, а потом и перестали. Которая попадётся, сразу же и говорит:

— Принесу перстень.

Они её и отпустят.

Вот идут они однажды вечером по берегу, вдруг видят — лягушонек скачет. Поймали они его и спрашивают:

— Ты знаешь, где в море лежит перстень?

— Не знаю... квак, квак!

— Раз не знаешь, мы тебя назад к матери не отпустим.

Увидела это старая лягушка, вылезла из воды, да такая большущая, как ведро, и говорит:

— Не обижайте моего ребёнка: я вам из моря вынесу перстень.

— Ладно, — говорят, — мы его будем держать, пока перстень не принесёшь; а как принесёшь, тогда и отпустим.

Нырнула лягушка в море, нашла перстень, отдала им. Они перстень у неё взяли, отпустили лягушонка и побежали к столбу.

Пришли к своему хозяину, а он уже весь хлеб съел. Два дня крошки во рту не было, — высох, как щепка. Котик тотчас вскарабкался к оконцу, отдал ему перстень. Он перебросил его с руки на руку, тут же и слуги явились. Он им:

— Перенесите этот столб обратно туда, где был, и чтобы снова из него дворец вырос, и чтобы были в нём моя жена и мать.

Только сказал — так всё и сделалось. Жену он прогнал, а сам живёт с матерью, котиком да с собачкой:

КОЛОБОК

или-были старик со

старухой и до того дожились, что и хлеба нет у них.

Старик и просит:

— Старуха! Испекла бы ты колобок!

— Да из чего же я испеку, козь и муки-то нет?

— А ты, старуха, пойдёшь в чулан, намети в сусеке мучицы — глядишь, и на колобок наберётся.

Послушалась старуха, пошла в чулан, надела в сусеке мучицы, печь истопила, муку хорошенько замесила, испекла колобок и положила на окно остывать. А он лежал, лежал на окне, а потом — с окна на за-

валинку, а оттуда на землю во двор, а со двора за ворота и побежал-покатился по дороге.

Бежит, бежит по дороге, а навстречу ему зайчик:

— Колобок, колобок, я тебя съем!

— Не ешь меня, зайчик-побегайчик, я тебе песенку спою.

— А ну, спой!

По сусеку я метён,
Из муки я испечён, —
Я от бабушки ушёл,
Я от дедушки ушёл,
И от тебя убегу!

И побежал снова. Бежит, бежит... А навстречу — волк:

— Колобок, колобок, я тебя съем!

— Не ешь меня, волчишка-братишка, я тебе песенку спою.

— А ну, спой!

По сусеку я метён,
Из муки я испечён, —
Я от бабушки ушёл,
Я от дедушки ушёл,
Я от зайца ушёл
И от тебя убегу!

И побежал дальше... Вдруг медведь идёт:

— Колобок, колобок, я тебя съем!

— Не ешь меня, мишка-медведишка, я тебе песенку спою.

— А ну, спой!

По сусеку я метён,
Из муки я испечён, —
Я от бабушки ушёл,
Я от дедушки ушёл,
Я от зайца ушёл,
Я от волка ушёл
И от тебя убегу!

И побежал... Бежит, бежит по дороге... Откуда ни возьмись — лисичка:

— Колобок, колобок, я тебя съем!

— Не ешь меня, лисичка-сестричка, я тебе песенку спою.

— А ну, спой!

По сусеку я метён,
Из муки я испечён, —
Я от бабушки ушёл,
Я от дедушки ушёл,
Я от зайца ушёл,
Я от волка ушёл,
Я от медведя ушёл,
И от тебя убегу!

— Славная песенка! — говорит лисичка. — Вот только слышу я плоховато. Спой-ка ещё раз да сядь ко мне на язык, чтобы слышней было.

Колобок вспрыгнул на язык и опять запел:

По сусеку я метён...

А лисичка — ам его! И съела!

ОХ

Авным-давно, не на нашей памяти, а пожалуй, когда ещё и отцов и дедов наших не было на свете, жил-был бедный мужик с женой, и был у них всего один сын, да и тот не такой, как надо: уродился таким лентяем, что просто беда! И за холодную воду не возмётся, всё на печи сидит да просо пересыпает. Ему уже, пожалуй, лет двадцать, а он всё, как дадут поесть, поест, а не дадут, то и так обходится.

Отец с матерью горюют:

— Что нам с тобой, сынок, делать, что ты ни к

36

чему не годен? У других дети своим родителям помогают, а ты только хлеб даром ешь!

А ему хоть бы что: сидит да просо пересыпает...

Горевали-горевали отец с матерью, а потом мать и говорит:

— Что ж ты, старик, думаешь? Вишь, какой он уже вырос, а такой дурак — ничего делать не умеет. Нанял бы ты его куда-нибудь, может, чужие люди его чему научат?

Посоветовались, и отдал отец его на портного учиться. Вот побыл он там дня три и убежал; забрался на печку — опять просо пересыпает. Побил его отец хорошенько, отдал к сапожнику учиться. Да он и оттуда убежал. Отец опять его побил и отдал учиться кузнечному ремеслу. Но и там он долго не пробыл — убежал.

— Что же делать? Поведу, — говорит отец, — такого-сякого, в другое царство: уж куда ни отдам, а отдам — может, хоть оттуда не убежит.

Взял и повёл его. Идут, идут, долго ли, коротко ли, вошли в такой дремучий лес, что только небо да землю видать. Входят в лес, притомились немного: глядь — стоит у тропинки обгорелый пенёк, старик и говорит:

— Притомился я — сяду отдохну чуток.

Вот садится он на пенёк:

— Ох! Как же я утомился!

Только сказал это, как вдруг из пенёка, откуда ни возмись, вылезит маленький дедок, сам сморщенный, а борода зелёная, до самых колен.

— Что тебе, — говорит, — человек, от меня надобно?

Удивился старик: откуда такое диво взялось? И говорит ему:

— Я разве тебя звал? Отвяжись!

— Как же не звал, — говорит дедок, — когда звал!

— Кто же ты такой? — спрашивает старик.

— Я, — говорит дедок, — лесной царь Ох. Зачем ты меня звал?

— Да чур тебя, я и не думал тебя звать! — говорит старик.

— Нет, звал: ты сказал: «Ох!»

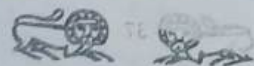
— Да это я устал, — говорит старик, — вот и сказал.

— Куда же ты идёшь? — спрашивает Ох, глядит! — отвечает старик: Веду своего дурачка чужаками отдавать — может, чужие люди его ум-разуму научат, ведь дома куда ни отдам, убежит.

37

— Так отдай его мне, — говорит Ох, — я его выучу. Только уговор: как год минёт и ты придёшь за ним, то если узнаешь его — бери, а не узнаешь — ещё год у меня прослужит!

— Ладно, — говорит старик.

Ударили по рукам, и пошёл старик домой, а сына Ох к себе повёл.

Вот как повёл его Ох, так и ведёт прямо на тот свет, под землю, и привёл к зелёной хатке, камышом утыканной. И всё в той хатке зелёное: и стены зелёные, и лавки зелёные, и жена Оха зелёная, и дети, словом — всё-всё. А работницами у Оха мавки — такие изумрудные, как рута...

— Ну, садись, — говорит Ох своему работнику, — да маленько поешь.

Подают мавки еду — и еда зелёная. Поел он.

— Ну, — говорит Ох, — пойдёшь же, работничек, дров наруби да в хату нанеси.

Пошёл работник. Уж рубил или нет, а лёг на дровах и уснул. Приходит Ох, а тот спит. Велел он дров наносить, положил связанного работника на дрова и поджёг их. Сгорел работник! Взял тогда Ох пепел, развеял по ветру, а один уголёк возьми да и выпадает из пеп-

ла. Окропил его Ох живою водой — ожил снова работник, только уже проворнее стал.

Опять велел ему Ох дров нарубить, а тот опять уснул. Ох поджёг дрова, сжёг работника, пепел по ветру развеял, уголёк живою водой окропил — вновь ожил работник и стал такой красивый, что лучше нету! Вот сжёг его Ох в третий раз и опять окропил уголёк живою водой — и сделался из ленивого парубка такой проворный да красивый казак, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать.

Пробыл парубок у Оха год. Миновал год, идёт отец за сыном. Пришёл в лес, к тому обгорелому пеньку, сел и говорит:

— Ох!

Ох и вылез из пенька и молвит:

— Здорово, человеке!

— Здорово, Ох!

— А что тебе, человеке, надобно? — спрашивает Ох.

— Пришёл, — говорит, — за сыном.

— Что ж, иди: коль узнаешь — бери его с собой, а не узнаешь — ещё год прослужит.

Пошёл старик за Охом. Приходит к его хате. Ох вынес мерку проса, высыпал — сбе-

жалось петухов видимо-невидимо.

— Ну, узнавай, — говорит Ох, — где твой сын?

Смотрел-смотрел старик — все петухи одинаковые: один в один, не узнал.

— Ну, — говорит Ох, — ступай домой, раз не узнал. Твой сын ещё год у меня прослужит.

Пошёл старик домой.

Вот проходит и второй год. Опять идёт старик к Оху. Подошёл к пеньку:

— Ох! — говорит.

Ох вылез к нему.

— Иди, — говорит, — узнавай!

Завёл его в овчарню, а там — бараны, и все один в одного. Смотрел-смотрел старик да так и не узнал.

— Коли так, ступай домой: твой сын ещё год у меня проживёт.

Ушёл старик пригорюнившись.

Проходит и третий год. Идёт старик к Оху. Идёт да идёт, вдруг навстречу ему дед, весь белый, как молоко, и одежда на нём белая.

— Здорово, человеке!

— Доброго здоровья, дед!

— Куда тебя доля ведёт?

— Иду, — говорит, — к Оху сына выручать.

— Как?

— Да так, мол, и так, — говорит старик. И рассказал белому деду, как отдал он Оху внаймы своего сына и с каким уговором.

— Э! — говорит дед. — Дело твоё плохо! Долго он тебя будет водить за нос.

— Да я уж, — говорит старик, — и сам вижу, что дело плохо, да не знаю, что теперь и делать. Может, вы, дедушка, знаете, как мне сына-то узнать?

— Знаю! — говорит дед.

— Так скажите мне, дедушка, миленький! Всё-таки, какой бы там сын ни был, а родной мне, своя кровинка.

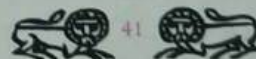
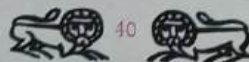
— Тогда слушай, — говорит дед. — Как придёшь к Оху, он выпустит голубей, но ты ни одного не бери, а возьми только того, который будет под грушей сидеть да пёрышки чистить: это твой сын!

Поблагодарил старик деда и пошёл. Приходит к пеньку.

— Ох! — говорит.

Ох вылез и повёл его в своё лесное царство. Вот высыпал Ох мерку пшеницы, созвал голубей. Слетелось их великое множество, и все — как один.

— Узнавай, — говорит Ох, — где твой сын. Узнаешь — твой, не узнаешь — мой!

Вот все голуби клюют пшеницу, а один сидит под грушей, нахохлился и перья чистит. Старик и говорит:

— Вот мой сын!

— Ну, угадал! Коли так — бери.

И превратил Ох голубя в такого красивого парубка, что лучшего во всём свете не сыскать. Сильно обрадовался отец, обнимает сына, целует. Оба радуются!

— Пойдём же, сын, домой. Вот и пошли.

Идут по дороге, разговаривают. То отец спрашивает, как у Оха жилось; сын рассказывает. То отец жалуется, как он бедствует; сын слушает. А потом отец и говорит:

— Что же нам теперь, сынок, делать? Я бедняк, и ты бедняк. Прослужил ты три года, да ничего не заработал.

— Не горюйте, тато, всё устроится. Смотрите, — говорит, — будут здесь паньчи на лис охотиться, вот я и обернусь борзою и поймаю лису. Захотят паньчи меня у вас купить, так вы меня за триста рублей и продайте, только продавайте без цепочки; вот и появятся у нас деньги, разживёмся!

Идут они, идут; глядь — на

опушке собаки лису гоняют — так гоняют, так гоняют: никак лиса не убежит, а борзая никак не нагонит. Вмиг обернулся сын борзой, догнал лису и поймал. Выскочили из лесу паньчи:

— Это твоя борзая?

— Моя!

— Славная борзая! Продай её нам.

— Купите.

— Что ж тебе за неё дать?

— Триста рублей, без цепочки.

— На что нам твоя цепочка, мы ей золочёную сделаем! Берите сто!

— Нет.

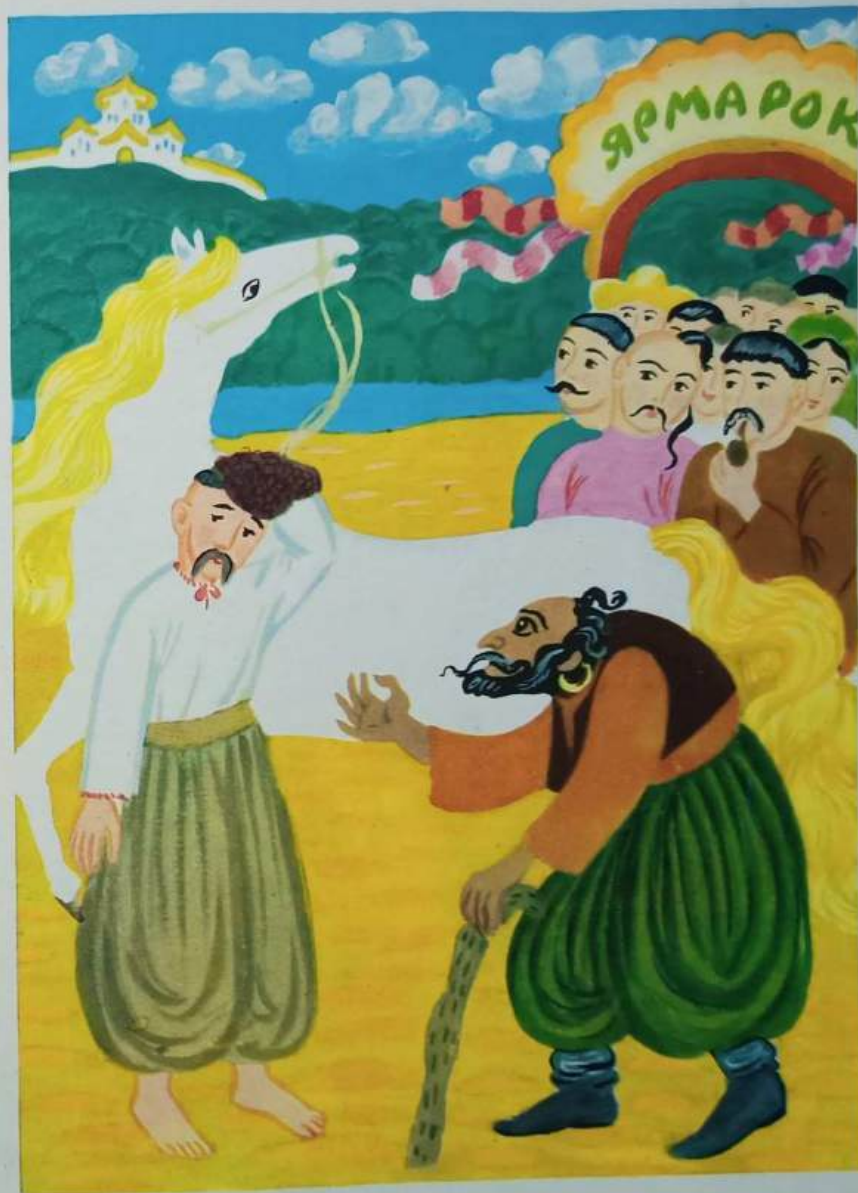
— Ну, забирай деньги, давай борзую.

Отсчитали деньги, взяли борзую — давай охотиться. Выпустили её опять на лису. Она как погнала её, да прямо в лес: обернулась там парубком, и он явился снова к отцу.

Идут они, идут, а отец и говорит:

— Что нам, сын, эти деньги? Только и всего, что хозяйством обзавестись да хату починить...

— Не горюйте, тато, ещё будут. Сейчас, — говорит, — будут паньчи за перепелами с соколом охотиться. Вот обернусь я соколом, и станут они

меня покупать, а вы и продайте опять за триста рублей, только без колпачка.

Вот идут они полем, глядь — спустили панычи на перепела сокола. Гонится сокол, а перепел убегает; сокол не догонит, перепел не убежит. Обернулся сын соколом, вмиг настиг перепела. Увидали панычи:

— Это твой сокол?

— Мой.

— Продай его нам.

— Купите.

— Что хочешь за него?

— Коль дадите триста рублей, то берите, только без колпачка.

— Мы ему из парчи сделаем!

Сторговались, продал старик сокола за триста рублей. Вот пустили панычи сокола за перепелом, а он как полетел — и прямо в лес, обернулся парубком и опять к отцу воротился.

— Ну, теперь мы маленько разжились, — говорит старик.

— Погодите, тато, ещё будет! Как станем проходить мимо ярмарки, обернусь я конём, а вы меня продавайте. Дадут вам за меня тысячу рублей. Да только продавайте без уздечки.

Вот подходят к городку, что ли, а там ярмарка.

Обернулся сын конём — та-

кой конь, словно змей, и подступиться страшно! Ведёт отец коня за уздечку, а тот гарцует, копытами землю бьёт. Сошлись купцы, торгуются.

— Коли за тысячу, — говорит, — без уздечки, то и забирайте!

— Да зачем нам твоя уздечка! Мы ему из серебра золочёную сделаем!

Дают пятьсот.

— Нет!

А тут цыган подходит, слепой на один глаз.

— Что тебе, старик, за коня?

— Тысячу, без уздечки.

— Э, дорого, батя, бери пятьсот с уздечкой!

— Нет, не с руки, — говорит отец.

— Ну, шестьсот... бери!

Как стал цыган торговаться, как стал — да старик и копейки не уступает.

— Ну, бери, батя, только с уздечкой.

— Э, нет, цыган: уздечка моя!

— Мил человек, да где ж это видано, чтоб коня продавали без узды?

— Как хочешь, а уздечка моя! — говорит старик.

— Ну, батя, я тебе ещё пять рубликов накину, — только с уздечкой.

Подумал старик: «Уздечка каких-то три гривны стоит, а цыган даёт пять рублей. Взял да и отдал. Пошёл старик с деньгами домой, а цыган — на коня и поехал. Но был он не цыган — то Ох цыганом обернулся.

Несёт конь Оха выше дерева, ниже облака. Спустились в лесу, приехали к Оху. Поставил он коня в стойло, а сам в хату пошёл.

— Не ушёл-таки из моих рук, вражий сын, — говорит жене.

Вот в полдень берёт Ох коня за узду, ведёт к водопою, к реке. Только привёл к реке, а конь наклонился пить да и обернулся окунем и поплыл. Ох, не долго думая, обернулся щукой и давай за окунем гнаться. Только нагонит, а окунь развернёт плавники, повернётся хвостом, вот щука и не ухватит. Догоняет его щука и говорит:

— Окунёк, окунёк! Повернись-ка головой, побеседуем с тобой!

— Коль ты, кумушка, побеседовать хочешь, — говорит окунёк щуке, — то я и так услышу!

Опять нагонит щука окуня:

— Окунёк, окунёк, повер-

нись-ка головой, побеседуем с тобой!

А окунёк расправит плавники да и говорит:

— Коль ты, кумушка, побеседовать хочешь, то я и так услышу.

Долго гонялась щука за окунем, — ан нет, не поймать!

Вот подплывает окунь к берегу, а там царевна бельё полощет. Обернулся окунь гранатовым перстнем в золотой оправе, увидела его царевна и достала из воды. Приносит домой, похваляется:

— Какой я, батюшка, красивый перстенёк нашла!

Любуется отец, а царевна не знает, на какой палец его и надеть: красивый такой!

А погода докладывают царю, что явился какой-то купец. (А это Ох купцом обернулся.) Вышел царь:

— Чего тебе надо?

— Так, мол, и так: ехал я, — говорит Ох, — на корабле по морю. Вёз в свою землю царю перстень гранатовый, да и уронил его в воду. Не нашёл ли кто из ваших?

— Да, — говорит царь, — дочка моя нашла.

Позвали её. Как начал Ох её просить, чтоб отдала, — а то ему, говорит, и на свете не

жить, коль не привезёт того перстня! А она не отдаёт, и всё! Тут уж и царь вмешался.

— Отдай, — говорит, — дочка, а то из-за нас будет беда человеку, — отдай!

А Ох уж так просит:

— Что хотите, то и берите у меня — только отдайте мне перстень!

— Ну, коль так, — говорит царевна, — то не будет ни мне, ни тебе! — ихватила перстнем о землю. Рассыпался тот перстень пшеном — так и раскатилось по всему дому. А Ох, не долго думая, обернулся петухом и давай то пшено клевать. Клевал, клевал, всё склевал, но одно пшённое зёрнышко закатилось под ноги царевне, — он его и не заметил. Только по-

клевал — вмиг в окно и полетел.

А пшённое зёрнышко обернулось парубком, да таким красивым, что царевна как увидела, так сразу и влюбилась — и так уже просит царя и царицу, чтобы выдали за него:

— Ни за кем, — говорит, — я счастливой не буду, а за ним моё счастье!

Долго царь кривился: «Как это за простого парубка отдавать свою дочку?» А потом посоветовались — и благословили их, обвенчали, да такую свадьбу сыграли, что весь люд на ней побывал!

И я там был, мёд-вино пил, хоть во рту не было, а по бо-роде текло — потому она у меня и побелела!

КОЗЁЛ И БАРАН

или себе муж да жена, и были у них козёл да баран. И были козёл и баран большими друзьями — куда козёл, туда и баран: козёл в огород за капустой — и баран туда. Козёл в сад — и баран за ним.

— Ох, жена, — говорит муж, — давай прогоним козла да барана, а то они у нас только сад и огород объедают.

— А ну убирайтесь, козёл да баран, прочь, чтоб и ноги вашей здесь не было!

Только услышали это козёл да баран, сразу и по-

дались прочь. Сшили торбу и пошли.

Идут, идут, видят — лежит посреди поля волчья голова.

Баран сильный, да трусливый, а козёл хоть и смелый, да не очень-то силён.

— Бери, баран, голову. Ты посильней.

— Ох, бери ты, козёл, ведь ты посмелей.

Взяли вдвоём и бросили её в торбу.

Идут, идут, видят — в поле костёр горит.

— Пойдём и мы туда! Там и заночуем, чтоб нас волки не съели!

Подходят, а это три волка кашу варят. Нечего делать. Здороваются:

— А, здорово, молодцы!

— Здравствуйте, здравствуйте! — обрадовались волки. — Ещё каша не кипит, как раз вашего мяса положить.

Тут-то и баран испугался, а козёл и подавно. Козёл и придумал:

— Подай-ка, — говорит барану, — волчью голову.

Баран приносит.

— Да не эту, а покрупней. Баран снова тащит ту же самую.

— Давай ещё покрупней!

Тут уж волки испугались,

стали думать-гадать, как бы отсюда удрать. «Это, — говорят, — такие молодцы, что с ними и голову потеряешь, — вишь, одну за одной головы волчьи таскают».

Вот один волк и заводит:

— Славная, братцы, компания, и каша кипит хорошо, да нечем её долить: схожу-ка я по воду. — И пошёл волк, думая: «Пропади вы пропадом с вашей компанией!» Стал и второй думать-гадать, как бы удрать:

— Вот вражий сын! Пошёл да и спит, нечем кашу долить. Возьму-ка я дубину да пригоню его, как псину.

Убежал и тоже не вернулся. А третий сидел-сидел:

— Вот я уж пойду, так их обоих, проклятых, пригоню!

Побежал, только его и видели. Тогда козёл и говорит:

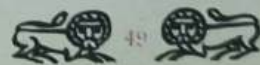
— Ох, братец-баран, скорей за кашу примемся, съедим да из куреня убежим.

Поели быстренько, да только их и видели.

А тем временем первый волк призамыслился:

— И не стыдно нам троим козла да барана бояться? Вот пойдём, мы их, таких-сяких, съедим!

Пришли. А те быстро упра-

вились, уже из куреня убрались, побежали да на дуб забрались. Стали волки думать-гадать, как бы козла да барана догнать.

Пустились вслед и нашли их на дубе. Козёл посмелее, взобрался на самый верх, а баран потрусливее — так пониже.

— Ложись, — говорят волки старшему, — ты старшой, вот и поколдуй, как нам добыть их.

Лёг волк кверху лапами и начал колдовать. Баран на ветке сидит, так и дрожит, да как упадёт на волка! А козёл посмелее, не растерялся, как закричит:

— Подай мне колдуна!

Волки перепугались, и след за ними простыл.

А козёл да баран пошли в поле, построили себе курень и живут там.

УТОЧКА-ХРОМОНОЖКА

или-были дед и баба, а детей у них не было. Всё горюют они, а потом дед и говорит бабе:

— Пойдём, старуха, в лес за грибами!

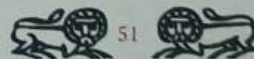
Пошли. Собирает баба грибы, глядь — в кустике гнёздышко, а в гнёздышке уточка сидит. Вот и говорит баба деду:

— Погляди-ка, дед, какая красивая уточка!

А дед отвечает:

— Возьмём её домой, пускай у нас живёт.

Стали они её брать, видят — у неё ножка перело-

мана. Они взяли её осторожно, принесли домой, сделали ей гнёздышко, устлали его пёрышками, посадили в него уточку, а сами опять за грибами пошли.

Возвращаются, видят — всё у них уже прибрано, хлеб испечён, борщ сварен. Они к соседям спрашивать:

— Кто это? Кто это?

Никто ничего не знает.

На другой день пошли дед с бабой опять за грибами. Приходят домой, глядь — у них варенички сварены, а веретёнце с пряжей на оконце стоит. Они опять у соседей спрашивают:

— Не видали ли кого?

— Видали какую-то дивчину, воду из колодца брала. Такая, — говорят, — красивая, только немножко хроменькая.

Вот дед и баба думали-гадали: «Кто бы это мог быть?» — никак не придумают. А потом баба и говорит деду:

— Знаешь что, дед? Сделаем так: скажем, будто мы идём за грибами, а сами спрячемся и поглядим, кто это нам воду носит.

Так и сделали.

Стоят за овином, вдруг видят — выходит из их хаты дивчина с коромыслом: такая красавица, такая красавица! Толь-

ко что немного хроменькая. Пошла она к колодцу, а дед с бабой в хату; глядь — нету в гнёздышке уточки, только перья лежат.

Взяли они тогда гнёздышко и бросили в печь, там оно и сгорело.

А тут и дивчина с водой идёт. Вошла в хату, увидела деда и бабу и сразу же к гнёздышку, а гнёздышка-то и нету. Как заплачет она тогда! Дед и баба к ней, утешают:

— Не плачь, уточка! Будешь нам вместо дочки. Будем мы тебя любить и холить, как свою родную!

А дивчина говорит:

— Я век бы у вас жила, если б вы не сожгли моего гнёздышка да за мной не подглядывали. А теперь, — говорит, — не хочу! Сделайте мне, дедушка, прялочку и веретёнце, я от вас уйду.

Плачут дед и баба, просят её остаться — не соглашается.

Сделал тогда ей дед прялку и веретёнце. Села она во дворе и прядёт. Вот летит стайка утят, увидали её и запели:

Вот где наша дева,
Вот где наша Ева,
На метёном на дворе
Да на тёсаном столбе.

Прялочка шумит,
Веретёнце звенит.
Сбросим ей по пёрышку,
С нами пусть летит!

А дивчина им отвечает:

Не хочу я с вами:
Как ходила по лужку,
Поламала ножку.
Вы ждать не захотели,
Дальше полетели!

Сбросили они ей по пёрышку, а сами полетели дальше. Вот летит вторая стайка. Эти тоже запели:

Вот где наша дева,
Вот где наша Ева,
На метёном на дворе
Да на тёсаном столбе,
Прялочка шумит,
Веретёнце звенит.

Сбросим ей по пёрышку,
С нами пусть летит!

Дивчина им тоже отказала, и они улетели, сбросив ей по пёрышку. А тут летит и третья стайка, увидели дивчину и враз запели:

Вот где наша дева,
Вот где наша Ева,
На метёном на дворе
Да на тёсаном столбе,
Прялочка шумит,
Веретёнце звенит.
Сбросим ей по пёрышку,
С нами пусть летит!

Сбросили они ей по пёрышку; обложились дивчина пёрышками, сделалась уточкой и улетела вместе со стайкой. А дед с бабой опять остались одни.

КАТИГОРОШЕК

Жил себе один человек, и было у него шестеро сыновей и одна дочка. Пошли сыновья в поле пахать, а сестре велели обед им принести. Она и говорит:

— А где вы пахать будете? Я же не знаю.

Они отвечают:

— Мы борозду будем тянуть от дома вон до того поля, а там и пахать начнём, — так ты вдоль борозды и ступай.

Поехали братья.

А змей, который жил за тем полем, в лесу, взял и

ту бороздку заравнял, а другую протянул прямо к своему дворцу. Вот сестра понесла братьям обед, пошла вдоль бороздки и до тех пор шла, пока не очутилась во дворе у змея. Там змей и схватил её.

Возвратились сыновья вечером домой и говорят матери:

— Весь день пахали, а вы нам и поесть не прислали.

— Как это не прислала? Ведь Алёнка обед понесла. Я думала, она с вами вернётся. Не заблудилась ли?

Братья всполошились:

— Надо идти искать её.

И пошли все шестеро по той бороздке, и пришли ко двору змея, где их сестра, думали они, была. Приходят, а она и вправду там.

— Братики мои милые, где же я спрячу вас, когда змей прилетит? Он же съест вас!

Только сказала — глядь, и змей летит.

— А, — говорит, — людским духом пахнет! А что, хлопцы, биться пришли или мириться?

— Нет! — говорят. — Биться!

— Тогда пошли на железный ток!

Пошли на железный ток силами меряться. Недолго сражались: как ударил их змей, так

и вогнал в землю. Потом схватил едва живых и закинул в глубокую темницу.

Родители ждут, ждут сыновей, — нет их. Однажды пошла мать на речку постирать и вдруг видит — горошинка по дороге катится. Женщина взяла горошинку и съела.

А вскоре сын у неё родился. Назвала его Катигорошком.

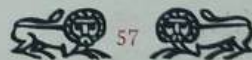
Растёт да растёт сын, как на дрожжах, — немного лет ему, а уже большой вырос. Как-то раз отец с сыном копали колодец, — докопались до большого камня. Отец побежал людей звать, чтобы камень помогли вытянуть. Пока отец ходил, Катигорошек взял да и выбросил камень из ямы. Люди пришли, глянули — оторопели. Страшно им стало, что у Катигорошка такая силища, и захотели его убить. А он подбросил тот камень вверх и поймал — люди и разбежались.

Вот копают дальше и докопались до большого куска железа. Вытянул его Катигорошек из земли и спрятал.

Однажды спрашивает Катигорошек у отца, у матери:

— А что, где-то должны быть у меня братья и сестра?

— Э-э, — говорят, — сынок, были у тебя и сестра, и шесте-

ро братьев, но то-то и то-то с ними приключилось.

— Что ж, — говорит он, — пойду их искать.

Отец и мать уговаривают:

— Не ходи, милый: шестеро пошли — и все погибли, а ты-то один — пропадёшь!

— Нет, пойду! Как же так, своих да не выручить?

Взял железо, которое выкопал, и понёс к кузнецу.

— Скуй, — говорит, — мне булаву, да побольше!

Стал кузнец ковать и сковал такую булаву, что едва из кузницы её вынесли. Взял Катигорошек ту булаву, подбросил вверх и говорит отцу:

— Лягу я спать, а вы меня разбудите, когда прилетит булава через двенадцать суток.

И лёг. На тринадцатые сутки летит-гудит булава! Отец разбудил Катигорошка, он вскочил, подставил палец, булава как ударила об него, так и раскололась надвое. Он и говорит:

— Нет, с этой булавой нельзя идти искать братьев и сестру — нужно другую выковать.

Понёс её снова к кузнецу.

— На, — говорит, — перекуй, чтобы по мне была!

Выковал кузнец ещё большую. Катигорошек и эту швыр-

нул вверх, да и лёг снова на двенадцать суток. На тринадцатые сутки летит булава, ревьёт — земля дрожит. Разбудили Катигорошка, он вскочил, подставил палец — булава как ударила об него, — только согнулась немножко.

— Ну, с этой булавой можно искать братьев и сестру. Пеките, мама, хлебы и сухари сушите, — пойду.

Взял булаву, в котомку хлеба и сухариков сунул, попрощался и пошёл.

Пошёл вдоль той бороздки, вдоль давней, которая ещё чуть-чуть видна была, и очутился в лесу. Идёт по лесу, идёт да идёт. Наконец, приходит к большому двору. Входит во двор, потом в дом, а змея нет, одна сестра Алёнка там.

— Здравствуй, красна девица!

— Здравствуй, добрый молодец! Ты чего сюда забрёл: прилетит змей — он тебя съест!

— Может быть, и не съест! А ты кто такая?

— Я была единственной дочерью у отца и матери, но меня змей украл, а шестеро братьев пошли вызволять и пропали.

— Где же они? — спрашивает Катигорошек.

— Бросил их змей в темницу, и не знаю, живы ли ещё, или, может, уже их косточки истлели.

— Что ж, может быть, я тебя освобожу, — говорит Катигорошек.

— Где тебе освободить? Шестеро не смогли, а ты же один! — говорит Алёнка.

— Посмотрим, — отвечает Катигорошек.

И сел на окно, дожидается.

Вот уж и змей летит. Прилетел и только в дом — сразу:

— О, — говорит, — людским духом пахнет!

— Ещё бы не пахло, — отвечает Катигорошек, — если я пришёл.

— Эгей, паренёк, а чего тебе тут нужно? Биться или мириться?

— Где уж там мириться — биться! — говорит Катигорошек.

— Идём же на железный ток!

— Идём!

Пришли. Змей и говорит:

— Бей ты!

— Нет, — говорит Катигорошек, — бей ты сначала!

Вот змей как ударил его, так по щиколотки и вогнал в железный ток. Вырвал ноги Катигорошек, как взмахнул булавой, как ударил змея, — вогнал

его в железный ток по колени. Вырвался змей, ударил Катигорошка — и его по колени вогнал. Ударил Катигорошек ещё раз, по пояс загнал змея в ток, ударил в третий раз, — и вовсе убил.

Спустился тогда в погреб-темницы глубокие, открыл двери своим братьям, а они едва живы.

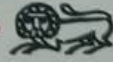
Забрал тогда их, забрал сестру Алёнку и всё золото и серебро, которое змей накопил, и пошли они домой.

Вот идут — а Катигорошек и не признаётся, что он брат их. Прошли немного и сели под дубом отдохнуть. Катигорошек устал после боя — ну и уснул. А шестеро братьев беспокоятся:

— Будут над нами люди смеяться — как это вы вшестером змея не одолели, а он один убил. Да и всё добро змея он себе заберёт.

Думали-думали, да и надумали: сейчас он спит, ничего не услышит, — привяжем его лыком покрепче к дубу, чтобы не вырвался, тут его зверь и разорвёт. Как решили, так и сделали: привязали и ушли.

А Катигорошек спит и ничего не слышит. Спал день, спал ночь, просыпается — а он при-

вязан. Рванулся — и вывернул дуб с корнями. Взвалил тот дуб на плечи и понёс домой.

Подходит к избе и слышит: братья уже пришли и спрашивают у матери:

— А что, мама, были у вас ещё дети?

— А как же! Сын Катигорошек был, вас пошёл вызволять.

Они и догадались:

— Так это мы его привязали, — надо побежать и отвязать.

А Катигорошек как швырнёт дуб в избу — чуть не развалил её.

— Оставайтесь же, если вы такие! — говорит. — Пойду, куда глаза глядят.

Взвалил на плечи булаву — и пошёл.

Идёт, идёт и видит — отсюда гора и отсюда гора, а между ними человек, руками и ногами в них упёрся и расталкивает в разные стороны. Говорит Катигорошек:

— Добрый день!

— Здорово!

— А что ты, добрый человек, делаешь?

— Горы раздвигаю, чтоб дорога была.

— А куда идёшь? — спрашивает Катигорошек.

— Счастья искать.

— И я туда же... А как тебя звать?

— Вернигора. А тебя?

— Катигорошек. Пойдём вместе!

— Пойдём!

Пошли они. Идут и видят — человек среди леса как махнёт рукой, так дубы и выворачиваются с корнями.

— Добрый день!

— Здорово!

— А что ты, добрый человек, делаешь?

— Деревья выворачиваю, чтоб идти было просторней.

— А куда идёшь?

— Счастья искать.

— И мы туда же... А как тебя звать?

— Вернидуб. А вас?

— Катигорошек и Вернигора. Пойдём вместе!

— Пойдём!

Пошли втроём. Идут и вдруг видят — человек с длинными усами сидит над речкой: покрутит усом — вода так раступается, что и по дну можно пройти. Они к нему:

— Добрый день!

— Здорово!

— А что ты, добрый человек, делаешь?

— Да воду разгоняю, чтобы речку перейти.

— А куда идёшь?

— Счастья искать.

— И мы туда же... А как тебя звать?

— Крутиус. А вас?

— Катигорошек, Вернигора, Вернидуб. Пойдём вместе!

— Пойдём!

Пошли. И так им хорошо идти: встретят гору на дороге — Вернигора опрокинет, лес Вернидуб вывернет, а воду Крутиус разгонит. Вот зашли они в большой лес — и видят: в лесу избушка стоит. Вошли в избушку — никого нет. Катигорошек и говорит:

— Здесь мы и заночуем.

Переночевали, а на другой день Катигорошек предлагает:

— Ты, Вернигора, оставайся дома, еду приготовь, а мы втроём на охоту отправимся.

Ушли они, а Вернигора приготовил еду да и лёг отдыхать.

Вдруг кто-то в дверь стучит:

— Открывай!

— Не большой барин — и сам откроешь, — говорит Вернигора.

Дверь открылась, и снова кто-то кричит:

— Переседи через порог!

— Не большой барин — и сам перелезешь.

Влезает старичок маленький, а борода на сажень волочится. Ухватил он Вернигору за воло-

сы и повесил его на гвоздь. А сам всё, что было сварено, съел, выпил и ушёл.

Вернигора крутился-вертелся, как-то сорвался с гвоздя, бросился снова варить; пока товарищи вернулись, уже доваривает.

— А чего ты с обедом опоздал?

— Да задремал нечаянно.

Наелись и спать улеглись. На другой день встают, Катигорошек и говорит:

— Ну, теперь ты, Вернидуб, оставайся, мы пойдём на охоту.

Ушли они, а Вернидуб приготовил еду и лёг отдыхать.

Кто-то в двери стучит:

— Открывай!

— Не большой барин — сам откроешь.

— Переседи через порог!

— Не большой барин — и сам перелезешь.

Лезет старичок маленький, а борода на сажень волочится. Ухватил Вернидуба за волосы и повесил его на гвоздь. А сам всё, что было сварено, съел, выпил и ушёл.

Вернидуб туда-сюда, как-то уж там с гвоздя сорвался и давай обед поскорей варить. Вот приходят друзья-приятели.

— А что это ты с обедом опоздал?

— Да задремал, — говорит, — случайно.

А Вернигора помалкивает: догадался, что произошло.

На третий день Крутиус остался, — и с ним то же самое. А Катигорошек и говорит:

— Ну, и ленивы же вы обед варить. Завтра без меня на охоту идите, а я дома останусь.

На другой день те трое уходят на охоту, а Катигорошек дома остаётся. Вот наварил он еды и лёг отдыхать. А тут кто-то и стучит в дверь:

— Открывай!

— Постой, открою, — говорит Катигорошек.

Открыл двери, — а там старичок маленький, зато борода на сажень волочится.

— Пересади через порог!

Взял Катигорошек, пересади. А старичок к нему тянется, тянется.

— Чего тебе? — спрашивает Катигорошек.

— Сейчас узнаешь, чего, — говорит старичок, добрался до волос и только хотел ухватить, а Катигорошек:

— Так ты вот какой! — и сам цап его за бороду; взял топор, потащил старика в лес, дуб расколол, а в расщелину засунул бороду старичка и зажег её.

— Если ты, — говорит, — такой, дедушка, что за волосы сразу хватаешь, то посиди здесь, а я сюда позже вернусь.

Приходит он в избу, — а все уже в сборе.

— А что с обедом?

— Давно готов.

Пообедали, а Катигорошек и говорит:

— Пойдёмте-ка — я вам такое чудо покажу, ахнете!

Приходят к дубу, а ни старичка, ни дуба нет: вывернул старичок дуб с корнем и уволок за собою. Тогда Катигорошек рассказал товарищам, что с ним было, а те тоже признались, как старичок их за волосы подвешивал.

— Э, — говорит Катигорошек, — если он такой, то пойдёмте его искать.

Где старичок дуб волок, там след остался — вот и пошли они по этому следу. И так дошли до глубокой ямы, в которой и дна не видно. Катигорошек говорит:

— Лезь туда, Вернигора!

— Да ну его!

— Ну, ты, Вернидуб!

Не захотел и Вернидуб, не захотел и Крутиус.

— Если так, — говорит Катигорошек, — полезу я. Давайте плести верёвку.

Сплели они верёвку, намотал Катигорошек на руку конец и говорит:

— Спускайте!

Начали они спускать, долго спускали, — до самого дна: другой мир там. Стал Катигорошек ходить: смотрит и видит — большой дворец стоит. Он вошёл во дворец, всё внутри сверкает золотом и драгоценными камнями. Идёт он по комнатам, — вдруг выбегает ему навстречу царевна, такая красивая — во всём мире лучше не найти.

— Ой, — говорит, — чего ты сюда, добрый человек, пришёл?

— Да я, — говорит Катигорошек, — ищу старичка маленького, у которого борода в сажень длиной.

— Сейчас, — говорит она, — старичок бороду из дуба вывозяет. Не ходи к нему, — он тебя убьёт, он уже много людей поубивал.

— Не убьёт, — говорит Катигорошек, — это же я ему бороду защебил. А ты почему здесь живёшь?

— А я, — говорит, — царевна, но меня этот старичок украл и в неволе держит.

— Ну, так я тебя освобожу. Веди меня к нему!

Она и повела. И правда: си-

дит старичок и уже бороду вытаскивал из дуба.

Увидел Катигорошка и спрашивает:

— Ты зачем пришёл? Биться или мириться?

— Где уж, — говорит Катигорошек, — мириться — биться!

И начали они биться. Бились, бились. И убил Катигорошек старичка своей булавой. Собрали они с царевной всё золото и драгоценные камни в три мешка и пошли к той яме, через которую он сюда спускался. Пришёл и зовёт:

— Эгей, поворотимы, — вы ещё здесь?

— Здесь!

Он привязал к верёвке один мешок и дернул, чтобы тянули:

— Это ваше.

Вытянули, спустили снова верёвку. Он привязал второй.

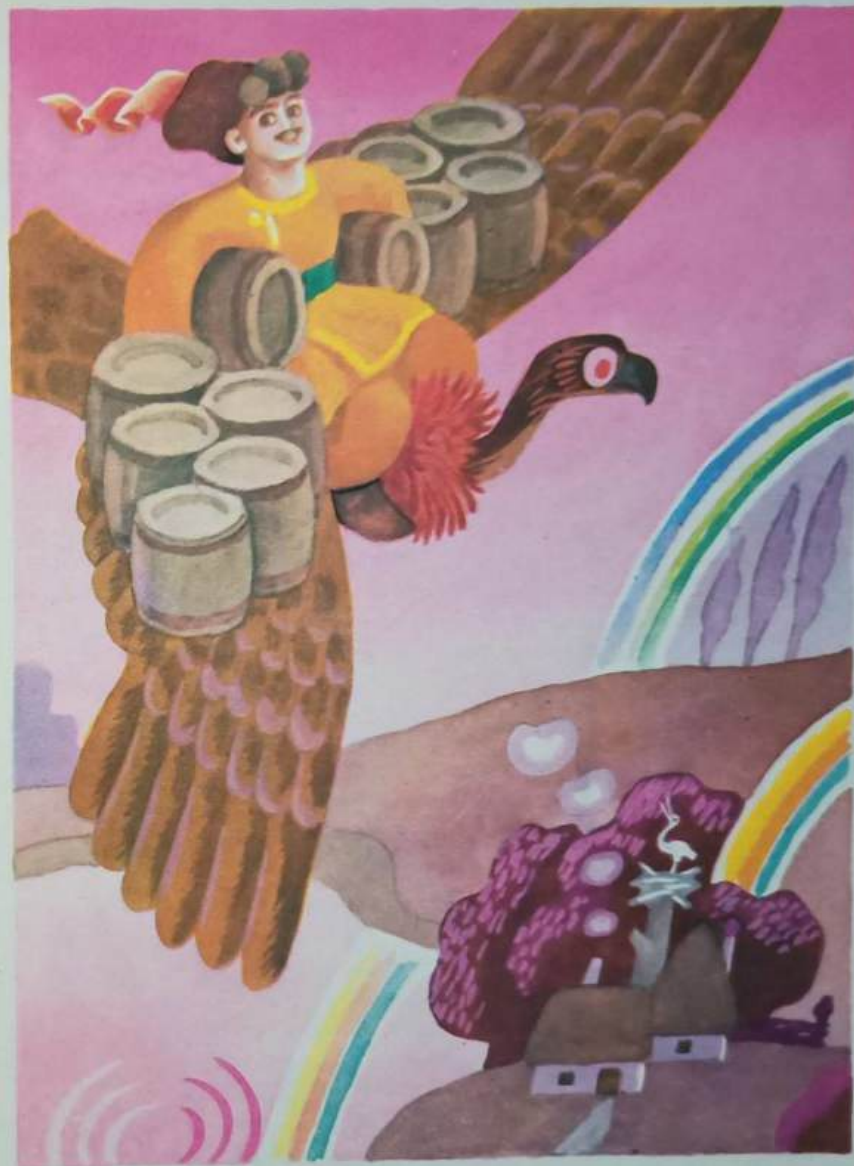
— И это ваше.

И третий им отдал, — всё, что добыл. Потом обвязал верёвкой царевну.

— А это моё, — говорит.

Вытянули те трое царевну, пора уже и Катигорошка тянуть. А они раздумали:

— Зачем его вытягивать? Пусть и царевна нам достанется! Подтянем его вверх, а потом отпустим верёвку, — он упадёт и убьётся.

А Катигорошек догадался, что они надумали сделать, — привязал к верёвке камень и кричит:

— Тяните меня!

Они подтянули высоко, а потом и бросили, — камень только бах!

— Ну, — говорит Катигорошек, — и вы хороши!

Отправился он бродить по подземному миру. Идёт, идёт. а тут набежали тучи, как ударит дождь с градом. Он и спрятался под дубом. Вдруг слышит — на дубе пищат грифята в гнезде. Он влез на дуб и укрыл их сермягой. Прошёл дождь. Прилетает большая птица — гриф, тех грифят отец. Увидел гриф, что дети укрыты, и спрашивает:

— Кто это вас укрыл?

А дети отвечают:

— Если не съешь его, скажем.

— Нет, — говорит, — не съем.

— Вон там человек сидит под деревом — он укрыл нас.

Гриф прилетел к Катигорошку и говорит:

— Скажи, что тебе нужно, — я всё дам: впервые у меня дети живы остались. А то всегда — стоит улететь и птенцы в гнезде от дождя и града погибают.

— Вынеси меня, — говорит Катигорошек, — в другой мир.

— Ну, хорошую ты мне задачу задал. Но делать нечего, — надо лететь. Возьмём с собой шесть кадушек мяса и шесть кадушек воды. Когда будем лететь, если я поверну голову направо, то ты мне в клюв кусок мяса кинешь, а поверну налево — водой напоишь, а то я не долечу и упаду.

Взяли они шесть кадушек мяса и шесть кадушек воды, сел Катигорошек на грифа, — полетели. Летят, летят, повернёт гриф голову направо — Катигорошек кинет ему в клюв кусок мяса, а налево — водой напоит. Долго так летели, — вот долетают до этого мира...

Гриф домой возвращается, а Катигорошек отправился искать своих товарищей. А они уже прибыли к отцу царевны, живут у него и ссорятся друг с другом: каждый хочет на царевне жениться, никак не помирятся.

Как раз в это время Катигорошек приходит. Они испугались, а он говорит:

— Вы меня предали, должен я вас наказать!

И наказал.

А сам женился на царевне и живёт себе.

СКАЗКА ПРО КОТИКА И ПЕТУШКА

или-были котик и петушок, и были они большие друзья. Котик, бывало, на скрипочке играет, а петушок подпевает. Котик, бывало, уйдёт на охоту, а петушок дома сидит, хату сторожит. И котик ему, уходя, велит:

— Никого в дом не пускай да и сам не выходи, кто бы ни звал.

— Ладно, ладно, — отвечает петушок; запрет хату и сидит в ней, пока не вернётся котик.

Навестила как-то петушка лисица и решила заманить его к себе. Подойдёт под окошко, когда котика

нету дома, станет и приговаривает:

— Иди, иди, петушок, ко мне, у меня золотая пшеница и медовая водица.

А петушок ей отвечает:

— То-ток, то-ток, не велел коток!

Видит лисица, что так не выходит, пришла как-то ночью, насыпала петушку под окном золотой пшеницы, а сама спряталась за кустом. Только котик ушёл на охоту, петушок открыл тихонько форточку и поглядывает. Видит: никого нет, только пшеничка под окном рассыпана. Не вытерпел петушок:

— Пойду-ка я поклюю немножко, никого нет, никто меня не увидит и котика не расскажет.

Только петушок за порог, а лисица — хватъ его и помчалась к своей хате. А он кричит:

Котик-братик,
Несёт меня лиса
За тёмные леса,
За высокие горы
В тёмную нору!

Котик пока услышал, пока добежал (далеко был), не успел уже догнать лису, опоздал. Вернулся домой и плачет, а по-

том взял скрипку свою и мешок и пошёл к лисичкиной хатке.

А у лисы было четыре дочери и один сын. Старая лиса в это время на охоту ушла, а детям велела петушка стеречь и воду греть, чтобы, как только она вернётся, петушка зарезать и ощипать.

— А в дом никого не пускайте! — приказала и ушла.

А котик подошёл под окошко, заиграл на скрипочке и запел:

Ой у лисы, у лисы
Новый двор
И четыре дочки на выбор,
Ещё и пятый сынок
Пилипок.
Выйди, лиса, погляди,
Хорошо ль играю!

Вот старшая дочка не вытерпела и говорит меньшим:

— Вы посидите дома, а я выйду погляжу, кто это так хорошо играет.

Только вышла, а котик — цок её в лобок да в мешок, а сам снова играет:

Ой у лисы, у лисы
Новый двор.
И четыре дочки на выбор.
Ещё и пятый сынок
Пилипок.

Выйди, лиса, погляди,
Хорошо ль играю!

Не вытерпела и вторая дочка, тоже вышла, а он и её — цок в лобок и в мешок! Так всех четверых и выманил. А сынок Пилипок ждёт-пождёт сестричек — не возвращаются.

— Пойду,— говорит,— загоню в дом, а то мать придёт, заругает.

И вышел из хаты. А котик и его — цок в лобок и в мешок! А потом повесил мешок на сухой вербе, а сам в хату пошёл и петушка развязал. Вытащили они из печки все лисичкины кушанья, поели, горшок с кипятком — опрокинули, другие горшки и миски побили, а сами убежали домой.

И уж после петушок всегда слушался котика.

ЁЖ И ЗАЯЦ

Жил себе ёж. Вышел он как-то утром рано из своего дома поглядеть на белый свет.

Вышел да и говорит сам себе:

— Пойду-ка я в поле — посмотрю, как там моя морковка и свекла.

Да и пошёл.

Идёт и песенку напевает.

А тут из-за куста выходит заяц. В это же время он в поле капусту осматривал, большая ли выросла.

— О,— говорит ёж,— кто быстрый, тот уже и в поле!

— А ты, — говорит заяц, — всё косолапишь, криволапка! И отец твой криволапка, и дед криволапкой был. Весь твой род такой, и ты тоже!

Ёж очень удивился, что на своё доброе слово получил такой недобрый ответ, ещё и отца и деда злым словом помянули.

Вот он и говорит зайцу.

— Ты, — говорит, — надо мной смеёшься? А хочешь со мной наперегонки? Посмотрим, кто кого перегонит!

Заяц как захохочет:

— Ты? Наперегонки? Со мной?!

А ёж спокойно:

— Да, с тобой.

— Ну, хорошо, — усмехнулся заяц. — Давай побежим.

— Нет, — говорит ёж, — погоди немного. Я сбегая домой и скажу жене, чтобы знала, куда я пошёл.

А заяц этому и рад, потому что был голодный. «Сбегая домой и поем капусту: ещё лучше буду бежать», — подумал он.

И пошли каждый в свою хату.

Приходит ёж домой и говорит жене:

— Знаешь, жена, какое мне дело предстоит?

— Какое, муженёк?

— Должен я с зайцем наперегонки бежать.

И рассказывает всё, как было.

— Ты берёшься перегнать зайца? — даже ахнула ежиха.

— Молчи, жена, — говорит ёж, — авось как-нибудь. Соберайся, пойдёшь со мной вместе.

Идут они, а ёж учит жену:

— Как придём мы с тобой в поле, ты станешь с этого конца в борозде да и стой себе. Как добежит до тебя заяц, ты ему скажешь: «А я уже тут!» А прибежит он на тот конец ко мне, там я ему крикну: «А я уже тут!»

— Ладно, — отвечает ежиха.

Приходит ёж к зайцу на тот конец поля и говорит ему:

— Ну, я уже готов!

— Так бежим!

Вот стал заяц в одну борозду, а ёж в другую:

— Раз, два, три!

Побежали.

Заяц помчал на тот конец поля, а ёж два шага пробежал да и остановился.

Прибегает заяц на тот конец поля, а там ежиха:

— А я уже тут!

— Эй, — говорит заяц, — это ещё что такое! А ну-ка бежим ещё раз!

Побежал заяц. Прибежал в конец поля, а ёж поднялся на двух лапках и зовёт его:

— Ого-го! А я уж давно тут жду!

— Смотри-ка! А ну бежим ещё раз!

Прибегает на другой край, а ёж снова уже там (а это была, вы ведь знаете, ежиха).

Побежал ещё раз, а там ёж!

— А я уже тут!

Снова пустился заяц бежать.

Так бегал он девяносто девять раз, а после сотого раза упал посреди поля — подняться не может, так набегался-утомился, бедняга.

— Не надо никогда смеяться над тем, кто слабее тебя, — сказал тогда ёж и пошёл со своей ежихой домой.

ЛИСИЧКА-СЕСТРИЧКА И ВОЛК-БРАТИК

или-были дед и баба. Вот как-то в воскресенье напекла баба пирожков с маком, вынула из печки, сложила в миску и поставила на окошко остывать. А мимо хаты бежала лисичка. Потянула носом, слышит: пирожками пахнет. Подкралась тихонько к окну, живо ухватила пирожок и удрала. Прибежала в поле, села, выела мачок из пирожка, а туда насовала мусора, слепила пирожок и бежит.

Бежит она, а хлопцы бычков гонят.

— Здорово, хлопцы!

— Здравствуй, здравствуй, лисичка-сестричка!

— Променяйте мне бычка-третьячка на маковый пирожок.

— Да где ж это бычка на пирожок меняют?

— А у меня пирожок сладкий-пресладкий!

Нашла-таки одного, — променял.

— Смотрите, — говорит, — хлопцы, не ешьте пирожка, пока я не дойду до леса.

Да и убежала и бычка погнала. Хлопцы подождали, пока она спряталась в лесу, и взялись за пирожок, — а там мусор.

А лисичка тем временем пригнала бычка в лес, привязала его к дубу, а сама пошла рубить дерево на саночки. Рубит и приговаривает:

— Рубись, деревцо, кривое и прямое! Рубись, деревцо, кривое и прямое!

Нарубила лисичка, сколько надо, сделала саночки, запрягла бычка, села и поехала. А тут навстречу ей волк-братик:

— Здравствуй, лисичка-сестричка!

— Здравствуй, волк-братик!

— А где это ты взяла бычка-третьячка да саночки?

— Да где же? Бычка заработала, саночки смастерила, вот и еду.

— Так подвези ж и меня!

— Куда же я тебя возьму? Ты мне саночки поломаешь!

— Нет, не поломаю, я только одну лапку положу.

— Да клади уж, куда от тебя денешься.

Вот волк и положил лапу. Немного отъехали, волк опять просит:

— Положу я, лисичка-сестричка, еще одну лапку.

— Э, волчик-братик, ты мне этак санки поломаешь!

— Нет, не поломаю.

— Ну, клади!

Волк и положил. Едут они, едут, когда вдруг: хрусь!

— Ой, горюшко, — говорит лисичка, — санки трещат!

— Да нет, лисичка-сестричка, это у меня косточка хрустнула.

Ну, ладно, едут. А волк опять:

— Положу я, лисичка-сестричка, и третью лапку.

— Да где ты ее положишь? Ты же мне совсем санки поломаешь!

— Да нет. Чего б это им ломаться?

— Ладно, клади!

Только положил, а саночки снова: хрусь-хрусь!

— Эй, волчик, саночки трещат! Слезай, а то поломаешь!

— Да где там они трещат! Что ты, лисичка-сестричка, придумываешь! Это я орешек разгрыз.

— Дай же и мне!

— Последний был!

Проехали ещё немного.

— Ой лисичка-сестричка, сяду я весь на саночки!

— Да куда ты сядешь? Негде тебе тут садиться!

— А я так сожмусь, что помещусь.

— Да ты мне санки совсем поломаешь! На чём же я тогда дровец себе привезу?

— Вот так уж и поломаю! Я лёгонький. Сяду я, лисичка-сестричка, а то очень устал. Я помаленьку.

— Да уж садись!

Вот он и влез в саночки, да только сел, а санки — хрусь-хрусь-хрусь! Да и рассыпались.

Стала тогда лисичка его ругать:

— А чтоб тебе добра не было, пакостный волчище! Что ты мне наделал!

Ругала его, ругала, а потом велит:

— Ступай теперь и руби дерево на санки!

— Как же его рубить, лисичка-сестричка, если я не умею и не знаю, какое тебе дерево нужно?

— Вот пакостный волчище! Как санки ломать, так знал, а как дерево рубить, так нет! Говори:

— Рубись, деревцо, кривое и прямое! Рубись, деревцо, кривое и прямое!

Пошёл волк.

Вошёл он в лес и начал:

— Рубись, деревцо, кривое и кривое! Рубись, деревцо, кривое и кривое!

Нарубил и тащит лисичке. Глянула та, а оно такое кривое, сучковатое, что и на отвал у плуга не выберешь, не то что на полозок.

Давай его снова бранить:

— Зачем же ты такого нарубил?

— А если такое рубится!

— А почему ты не говорил так, как я тебе велела?

— А я только так и говорил: «Рубись, деревцо, кривое и кривое!»

— Ну какой же ты глупый да к тому же неумелый! Сиди же тут, за бычком гляди, а я сама пойду нарублю!

Пошла она.

А волк сидит один, да такой голодный! Стал в санках искать — нету там ничего.

Думал, думал да и придумал: «Съем бычка и убегу!»

Приходит лисичка...

— Ну погоди ж ты, волчище! Я тебе это припомню!

И побежала по дороге.

Бежит она, а навстречу ей вереница запоздавших чумаков с рыбой.

Упала она посреди дороги и ноги протянула — притворилась мёртвой.

Чумаки сразу её увидели:

— Глядите, хлопцы, какая большая лисица лежит.

Обступили её, переворачивают. Надо взять — детям шапочки будут. Кинули на задний воз и снова двинулись.

Идут впереди, а лисичка видит, что они не смотрят, и давай бросать рыбу с воза. Бросает по рыбке на дорогу. Набросала много да тихонько и соскочила с воза.

Чумаки поехали дальше, а она собрала рыбу, села и ест.

Глядь — а тут и волк-братик бежит.

— Здравствуй, лисичка-сестричка!

— Здорово!

— А что это ты делаешь, лисичка-сестричка?

— Рыбку ем.

— Дай же и мне!

— Вот как! Я столько возилась, ловила и вдруг — отдай! Поди сам себе налови!

— Да как же я наловлю, ес-

ли не умею? Хоть научи, как её ловить!

— Да как же её ловить? Доходи до проруби, опусти в прорубь хвост, тихонько сиди и приговаривай: «Ловись, рыбка, большая и маленькая». Она и наловится.

— Спасибо за науку!

Побежал волк скорее на речку да к проруби, да хвост в прорубь...

— Ловись, — говорит, — рыбка, большая да всё большая! Ловись, рыбка, большая да всё большая!

Не хочется ему маленькой. А мороз на улице такой, что даже трещит!

Лисичка же бежит по берегу да приговаривает:

— Мёрзни, мёрзни, волчий хвост! Мёрзни, мёрзни, волчий хвост!

А волк:

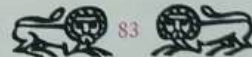
— Что ты, лисичка-сестричка, говоришь?

— Да то же и говорю: ловись, рыбка, большая и маленькая!

— Ну-ка и я так: ловись, рыбка, большая да всё большая!

Пошевелил волк хвостом — тяжело уже. А лисичка ему:

— Это уже рыбка начала цепляться.

Немного погода:

— А ну, волк, тяни!

Волк как потянул, а хвост уже примёрз к проруби — не вытянет. А она ещё и ругает:

— Вот, пакостный волчище, что ты наделал?! Ты же говорил: «Ловись, рыбка, большая да всё большая», — вот большая и наловилась, теперь её не вытянешь. Надо тебе помочь, побегу позову людей.

И подалась в село.

Бежит по селу и зовёт:

— Бегите, люди, волка бить!

Как набежало людей!.. Кто с топором, кто с вилами, а бабы с рогами, с кочергами! Как стали они беднягу бить!

А лисичка тем временем заглянула в одну хату, — никого нет, хозяйка побежала на речку волка бить и квашню невымешенную покинула. Вымазала лисичка голову тестом — и в поле... Смотрит: волк еле ползёт, — крепко досталось ему, бедняге. Она сразу прикинулась больной и застонала. А волк увидел её и говорит:

— Ах, вот ты какая! Такого мне горя натворила, что я без хвоста остался!

— Ой волчик-братик, разве ж это я? Разве ты не видишь, что из меня мозги текут, — так меня побили, что и голову про-

ломали. Волчик-братик, подвези меня!

— Да я же и сам больной!..

— Так у тебя ж только половины хвоста нет, а мне и голову проломили. Ой-ой-ой! Не дойду домой!..

— Да садись уже, что с тобой делать...

Влезает она ему на спину, усаживается и всё стонет.

Повёз её волк.

А она едет и приговаривает:

— Битый небитую везёт!

Битый небитую везёт!

— Что ты там, лисичка-сестричка, говоришь?

— Да то и говорю: битый битую везёт!

А сама снова тихонечко:

— Битый небитую везёт!

Вот довёз он её до хатки:

— Слезай, лисичка, доехали!

Тут она прыг с волка:

— Битый небитую привёз!

Волк к ней, хотел схватить, а она — в хатку и заперлась. Не влезет волк. А она ещё в окошко выглядывает и дразнит:

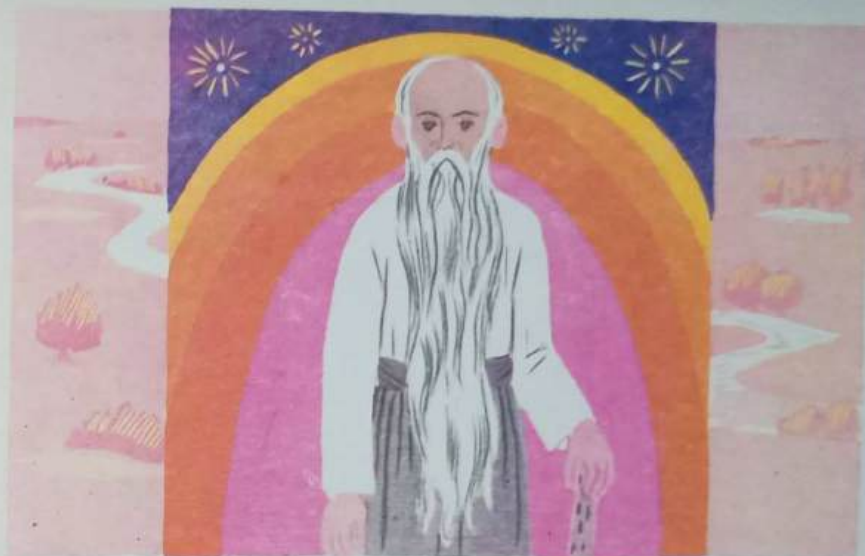
— Битый небитую привёз!

Потоптался волк возле хатки, потоптался — не влезет.

— Не гадкая разве лисичка?

Вон как обманула меня! — и поплёлся домой.

А лисичка живёт-поживает да кур ловит.

НАЗВАННЫЙ ОТЕЦ

стались три брата сиротами — ни отца, ни матери. Ничего у них нет — ни дома, ни хозяйства. Вот и пошли все трое работу искать. А навстречу дед — старый-старый, белую бороду ветер колышет.

— Куда это вы, детки, идёте?

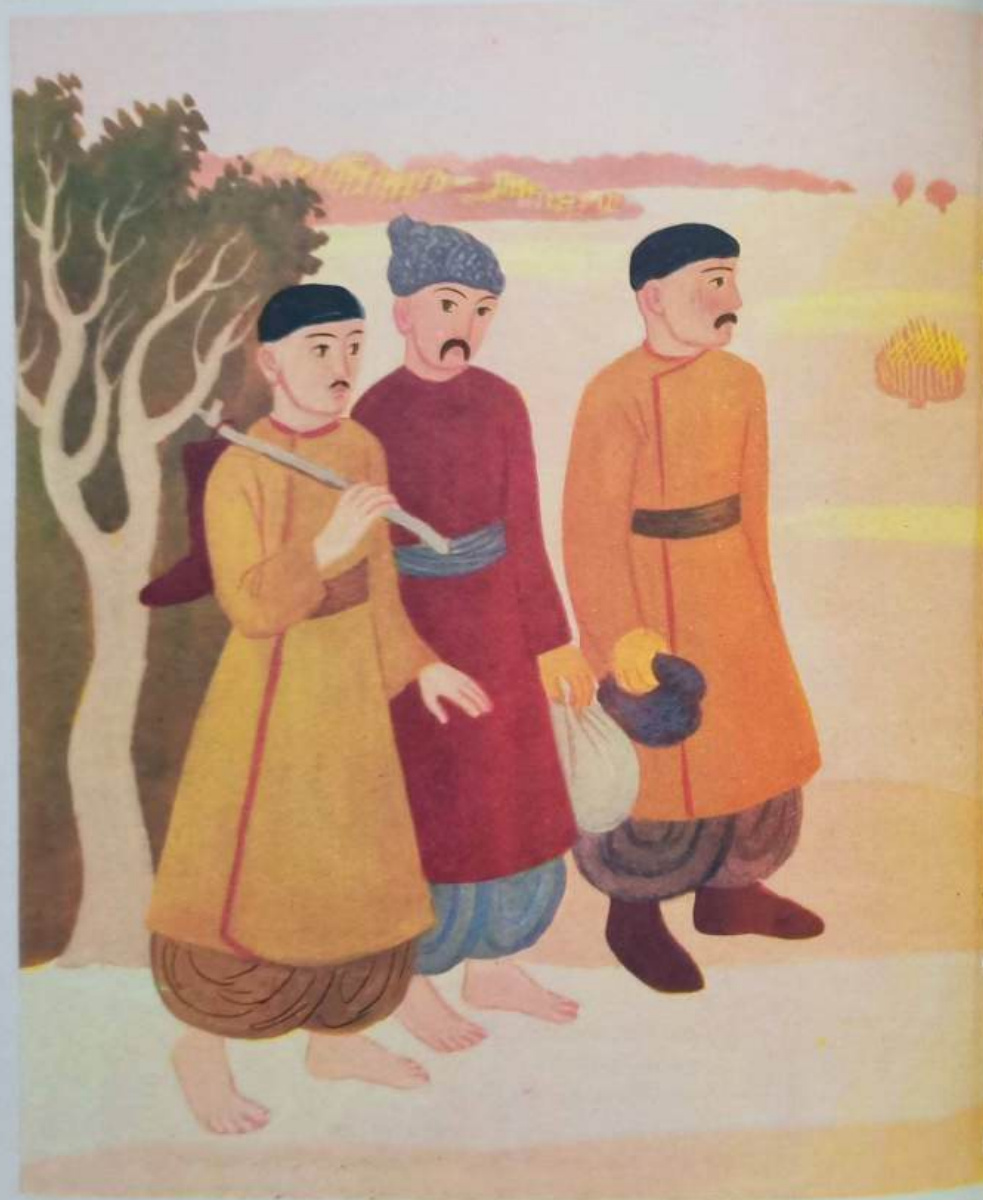
А они говорят:

— На работу наниматься.

— Разве у вас своего хозяйства нет?

— Нет, — говорят. — Если бы к хорошему человеку попасть, мы бы ему честно служили, и послушными

были бы и как отца родного почитали.

Тогда дед и говорит:

— Ладно! Коли так, то будьте сыновьями, а я вам отцом буду. Слушайтесь меня — и я вас людьми сделаю, научу, как жить по правде.

Согласились они и пошли с тем дедом. Идут тёмными лесами, широкими полями. Идут, идут и видят: стоит такая аккуратная избушка, беленькая, а вокруг вишни и цветы растут. Выбегает из избушки девушка, сама, как цветочек. Посмотрел на неё старший брат и говорит:

— Жениться бы мне на этой девушке! Да ещё если бы у меня были волы и коровы...

А дед-отец и говорит:

— Ладно, идём сватать! Будет тебе девушка, будут у тебя волы и коровы! Живи счастливо, да только о правде не забывай!

И пошли они сватать девушку. Сосватали, отгуляли свадьбу. Старший брат хозяином стал и в той избе жить остался.

Идут они дальше — уже втроём. Снова перед ними аккуратная изба, а возле неё мельница и пруд. По двору девица-красавица ходит, делом занята — такая работающая. Средний брат и говорит:

— Вышла бы за меня эта девушка, да ещё были бы у меня мельница и пруд, я бы зерно молот и в хлебе до конца дней моих не нуждался.

А дед-отец и говорит:

— Ладно, сынок, так и будет!

Сразу же пошли они в ту избу, сосватали девушку, вот и средний брат устроил жизнь свою, как хотел. Отгуляли свадьбу.

На прощанье и говорит дед-отец:

— Ну, сынок, теперь живи счастливо, да смотри о правде не забывай!

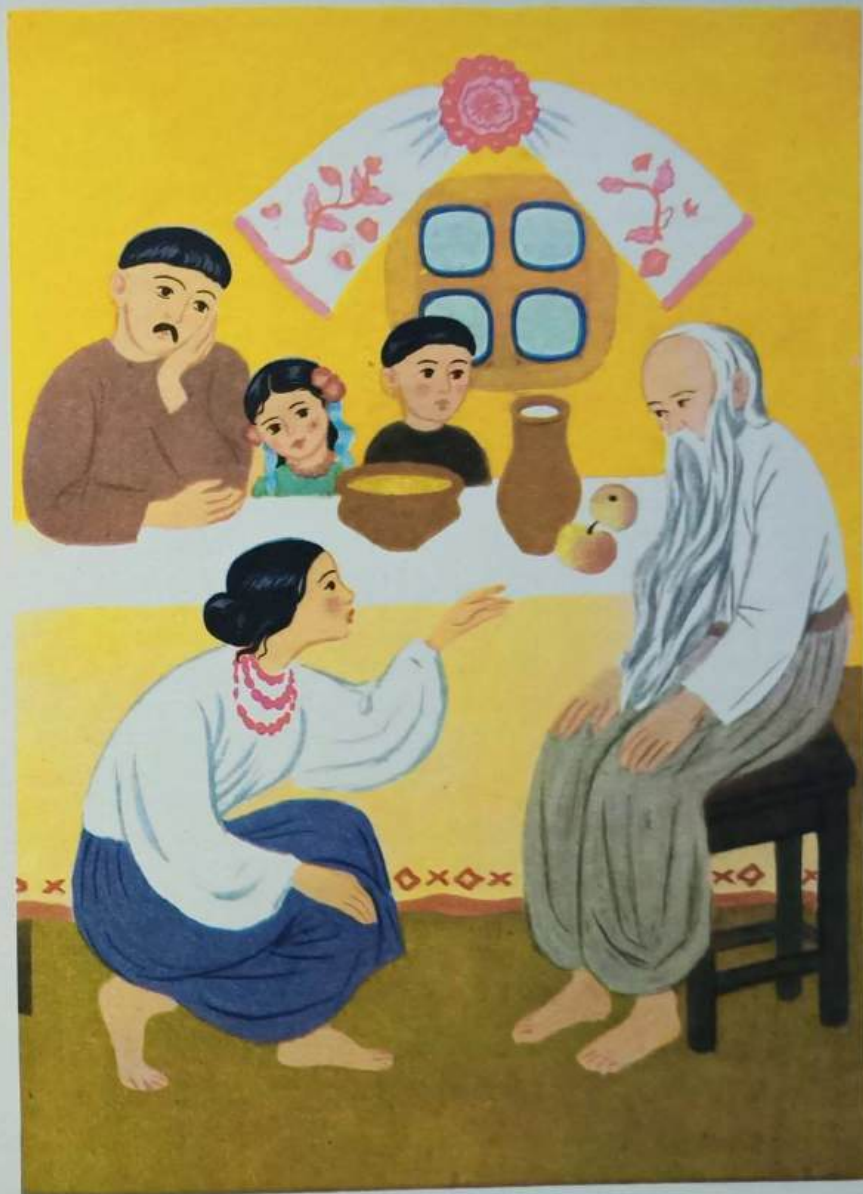
И пошли уже вдвоём: дед-отец и самый младший сын. Идут и видят: стоит ветхая избушка, выходит из неё девушка — красивая, как звёздочка ясная, но такая бедная — запла-та на заплате.

Самый младший брат и говорит:

— Мне бы жениться на этой девушке, работали бы мы с ней, и хлеб у нас был бы, не забывали б мы и о бедных людях: и сами б ели, и для других не жалели.

Дед-отец и говорит:

— Ладно, сынок, так и будет. Смотри же только правды не забывай!

Женил старик и этого сына и пошёл себе по свету.

А трое братьев живут. Старший брат так разбогател, что уже и дома каменные построил, червонцы складывает, да только о том и думает, как бы ему тех червонцев побольше собрать. А чтобы бедному человеку помочь, так о том и не напоминай — очень уж скупым он был. Средний брат тоже разбогател. Стали за него батраки работать, а сам он только лежит, ест, пьёт да на других работников покрикивает. А младший просто живёт: если что в доме есть, то с людьми поделится.

Походил дед-отец по свету. А потом вернулся — захотелось посмотреть, как сыновья живут, не разминутся ли с правдой. Приходит к старшему, нищим прикинулся:

— Подайте милостыню, если можно!

А тот говорит:

— Не так уж ты стар! Захочешь — заработаешь: я сам недавно на ноги поднялся.

А у него добра — глаза разбегаются: дома каменные, стога, овины, полно скота, деньги...

Ушёл дед. Отошёл, может быть, на версту, остановился,

оглянулся на дома да на хозяйство — и сразу же всё добро запылало.

Пошёл он тогда к среднему брату. Приходит, а у того и мельница, и пруд, и хозяйство хорошее. И сам он в мельнице сидит.

Вот дед поклонился низенько и говорит:

— Дай, добрый человек, хоть немного муки: я бедняк, нечего мне есть.

— Жаль, — говорит, — я ещё и для себя не намолот. Много вас тут таких шатаются!

Ушёл дед. Отошёл немного, оглянулся — так и охватило мельницу пламенем.

Приходит дед к третьему брату. А тот живёт бедно, изба небольшая, но чистенькая. Пришёл дед — такой оборванный, в лохмотьях.

— Дайте, — говорит, — хоть кусочек хлеба!

А тот человек:

— Идите, — говорит, — дедушка, в избу — там вас накормят и с собой дадут.

Заходит он в избу. Хозяйка как увидела, какой он оборванный, пожалела его, пошла в кладовку, принесла штаны, принесла рубашку, дала ему. Надел он. А когда надевал, она глянула: у него на груди рана!

Посадили они старика за стол, накормили, напоили... А хозяин и спрашивает:

— Скажите мне, дедушка, что это у вас за рана на груди?

— А это, — говорит, — такая рана, что скоро из-за неё умру. Только день и осталось мне жить на свете.

— Ой, беда! — говорит женщина. — И никакие лекарства уже не помогут?

— Есть одно, — говорит дед, — да только никто того лекарства не даст, хотя оно у каждого имеется.

Тогда хозяин и говорит:

— А почему же не дать? Если бы я мог! Знать бы, какое!

— А вот какое! — говорит дед. — Нужно, чтобы хозяин сам поджёг свою избу, со всем добром. А когда всё сгорит, я бы взял золу и посыпал рану — она и зажила бы. Да разве найдётся человек на свете, который бы это сделал?

Задумался самый младший брат. Долго думал, а потом и говорит жене:

— А ты что думаешь?

— А что, — говорит жена, — избу-то мы сызнова построим, а если добрый человек умрёт, то второй жизни у него уже не будет.

— Ну, если так, — говорит муж, — выноси детей из избы.

Вынесли они детей, сами вышли. Глянул человек на избу — жалко ему стало своего добра! А старика ещё жалче. Взял и поджёг. Мгновенно избу охватило — куда и делась. А вместо неё выросла другая изба, крепкая да красивая.

Дед стоит и улыбается.

— Вижу, — говорит, — сынок, что из вас троих только ты с правдой не разминутся. Живи счастливо!

Тут сразу и узнал хозяин новой избы отца названного. Бросился к нему, а его уже и нет.

КОЗА-ДЕРЕЗА

или-были дед и баба. Поехал дед на ярмарку и купил себе козу.

Привёз её домой, а на другой день, поутру, посылает дед старшего сына ту козу пасти.

Пас, пас хлопец её до самого вечера да и погнал домой. Только до ворот дошёл, а дед стоит в воротах в красных сапогах и спрашивает:

— Козочка моя милая, козочка моя любимая! Пила ли ты, ела ли?

— Нет, дедушка, я и не пила, я и не ела: только бежала через мосточек да ухватила кленовый листо-

чек, только бежала через плотинку да хлебнула водицы капельку, — только и пила, только и ела.

Вот дед рассердился на сына, что он плохо скотину пасёт, да и прогнал его. На другой день посылает второго сына — младшего. Пас, пас хлопец козу до самого вечера да и погнал домой.

Только дошёл до ворот, а дед стоит в воротах в красных сапогах и спрашивает:

— Козочка моя милая, козочка моя любимая! Пила ли ты, ела ли?

— Нет, дедушка, я и не пила, я и не ела: только бежала через мосточек да ухватила кленовый листочек, бежала через плотинку да хлебнула водицы капельку, — только и пила, только и ела.

Вот дед и этого сына прогнал.

На третий день посылает жену.

Погнала она козу и пасла весь день; вечером дошла до двора, а дед уже стоит в воротах в красных сапогах и спрашивает:

— Козочка моя милая, козочка моя любимая! Пила ли ты, ела ли?

— Нет, дедушка, я и не пи-

ла, я и не ела: только бежала через мосточек да ухватила кленовый листочек, бежала через плотинку да хлебнула водицы капельку, — только и пила, только и ела.

Тут дед так уж рассердился, что прогнал и бабу.

На четвёртый день погнал он сам козу, пас весь день, а вечером выгнал на дорогу, сам же пошёл напрямик: стал в воротах в красных сапогах да и спрашивает:

— Козочка моя милая, козочка моя любимая! Пила ли ты, ела ли?

— Нет, дедушка, я и не пила, я и не ела: только бежала через мосточек да ухватила кленовый листочек, бежала через плотинку да хлебнула водицы капельку, — только и пила, только и ела.

Вот тогда дед рассердился, пошёл к кузнецу, закалил нож, стал козу резать, а она вырвалась да и убежала в лес. В лесу видит коза заячью хатку, она туда вбежала да и спряталась на печи.

Прибегает зайчик, вдруг слышит — есть кто-то в хатке. Зайчик и спрашивает:

— Кто, кто в моей хатке? А коза сидит на печи да и говорит:

Я коза-дереза,
За три гроша куплена,
В полбока луплена.
Тупу-тупу ногами,
Заколю тебя рогами,
Ножками затопчу,
Хвостиком замету,—
Тут тебе и смерть!

Испугался зайчик, выбежал
из избушки, сел под дубом.
Сидит и плачет. Идёт мимо
медведь и спрашивает:

— Ты почему, зайчик-побе-
гайчик, плачешь?

— Как мне, мишенька, не
плакать, когда в моей хатке
зверь страшный сидит?

А медведь:

— Вот я его выгоню!

Побежал к хатке:

— Кто, кто в заячьей хатке?

А коза на печи:

Я коза-дереза,
За три гроша куплена,
В полбока луплена.
Тупу-тупу ногами,
Заколю тебя рогами,
Ножками затопчу,
Хвостиком замету,—
Тут тебе и смерть!

Медведь испугался.

— Нет,— говорит,— зайчик-
побегайчик, не выгоню —
боюсь.

Снова пошёл зайчик, сел под
дубком и плачет. Идёт волк и
спрашивает:

— Чего это ты, зайчик-побе-
гайчик, плачешь?

— Как же мне, волчик-бра-
тик, не плакать, когда в моей
хатке зверь страшный сидит?

А волк:

— Вот я его выгоню!

— Где тебе его выгнать! Тут
и медведь гнал, да не выгнал.

— А я выгоню!

Побежал волк к хатке и
спрашивает:

— Кто, кто в заячьей хатке?

А коза с печи:

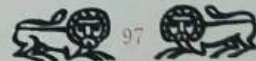
Я коза-дереза,
За три гроша куплена,
В полбока луплена.
Тупу-тупу ногами,
Заколю тебя рогами,
Ножками затопчу,
Хвостиком замету,—
Тут тебе и смерть!

Волк испугался.

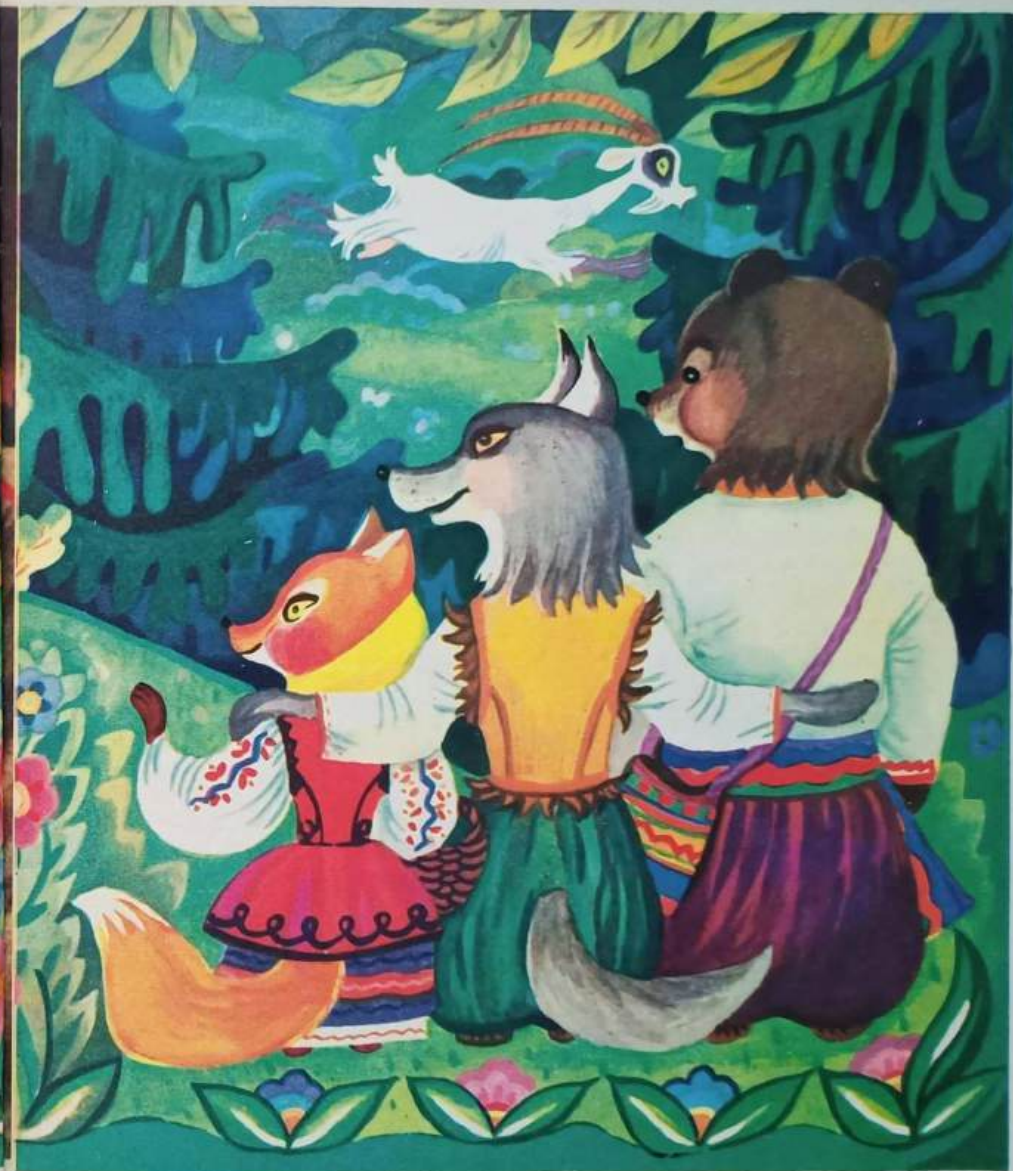
— Нет,— говорит,— зайчик-
побегайчик, не выгоню —
боюсь.

Зайчик снова пошёл, сел под
дубком и плачет. Бежит лисич-
ка, увидела зайчика и спраши-
вает:

— Чего ты, зайчик-побегай-
чик, плачешь?

— Как же мне, лисичка-сестричка, не плакать, когда в моей хатке страшный зверь сидит?

А лисичка:

— Вот я его выгоню!

— Где тебе, лисичка, его выгнать! Тут и медведь гнал — не выгнал, и волк гнал, да не выгнал, а куда тебе!

— А вот и выгоню!

Побежала лисичка к хате и говорит:

— Кто, кто в заячьей хатке?

А коза с печи:

Я коза-дереза,
За три гроша куплена,
В полбока луплена,
Тупу-тупу ногами,
Заколю тебя рогами,
Ножками затопчу,
Хвостиком замету, —
Тут тебе и смерть!

Вот и лисичка испугалась.

— Нет, — говорит, — зайчик-побегайчик, не выгоню — боюсь.

Пошёл зайчик, сел под дубом и снова плачет. Лезет рак-бедняк и спрашивает:

— Чего ты, зайчик-побегайчик, плачешь?

— Как же мне не плакать,

когда в моей хатке страшный зверь сидит?

А рак:

— Вот я его выгоню.

— Где тебе его выгнать! Тут и медведь гнал, да не выгнал, и волк гнал, да не выгнал, и лисица гнала, да не выгнала, а то ты!

— А вот и выгоню!

Полез раз в хатку да и спрашивает:

— Кто, кто в заячьей хатке?

А коза с печи:

Я коза-дереза,
За три гроша куплена,
В полбока луплена,
Тупу-тупу ногами,
Заколю тебя рогами,
Ножками затопчу,
Хвостиком замету, —
Тут тебе и смерть!

А рак всё лезет да лезет, влез на печь и говорит:

А я рак-бедняк,

Как ущипну — будет знак!

Да как ущипнёт козу клешнями! Коза как заблеет, да с печи, да из хаты, — побежала, только её и видели!

Обрадовался зайчик, пришёл в хатку да так уж рака благодарил. И стал жить в своей хатке.

ЯЙЦО-РАЙЦО

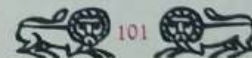
Когда-то был жаворонок царём, а царицею мышь, и было у них своё поле. Посеяли они на том поле пшеницу. А когда уродилась та пшеница — давай они зерном делиться. И оказалось одно зёрнышко лишнее. Говорит мышь:

— Пускай мне будет!

А жаворонок говорит:

— Нет, мне!

Стали они думать, как быть. Пошли бы судиться, да нету никого старше: не к кому обратиться. Мышь и говорит:

— Давай я зерно надвое пе-
рекушу.

Царь на это согласился. А
мышь схватила зерно в зубы и
убежала в нору. Собирает тог-
да царь-жаворонок всех птиц,
хочет идти войною на царицу-
мышь; а царица зверей всех со-
зывает—и начали воевать. По-
шли в лес, и только вздумают
звери какую-нибудь птицу ра-
зорвать, а она—на дерево; или
птицы начнут, летая, зверей
клевать, а они в нору... Бились
они так весь день напролёт, а
вечером сели отдыхать.

Оглянулась царица — нет на
войне муравьёв. И велела она,
чтобы к вечеру были непре-
менно муравьи. Явились му-
равьи.

Велела им царица взобрать-
ся ночью на деревья и пообку-
сывать за ночь перья на крыль-
ях у птиц.

На другой день, только ста-
ло светать, кричит царица:

— А ну, подымайтесь вое-
вать!

Какая птица ни взлетит, та
и упадёт наземь, а зверь её и
разорвёт.

А орёл видит, что дело пло-
хо, сидит на дереве, не взле-
тает.

Вдруг мимо охотник идёт,
увидел на дереве орла и при-

целился. Стал его орёл про-
сить:

— Не бей меня, я тебе в бе-
де пригожусь!

Нацелился охотник второй
раз, а орёл опять его просит:

— Возьми меня лучше да
выкорми, увидишь, какую я те-
бе службу сослужу!

Нацелился охотник в третий
раз, а орёл опять просит:

— Ой братец милый! Не
бей меня, лучше возьми с со-
бой: я тебе великую службу
сослужу!

Охотник поверил ему; по-
лез, снял его с дерева да и не-
сёт домой.

А орёл ему говорит:

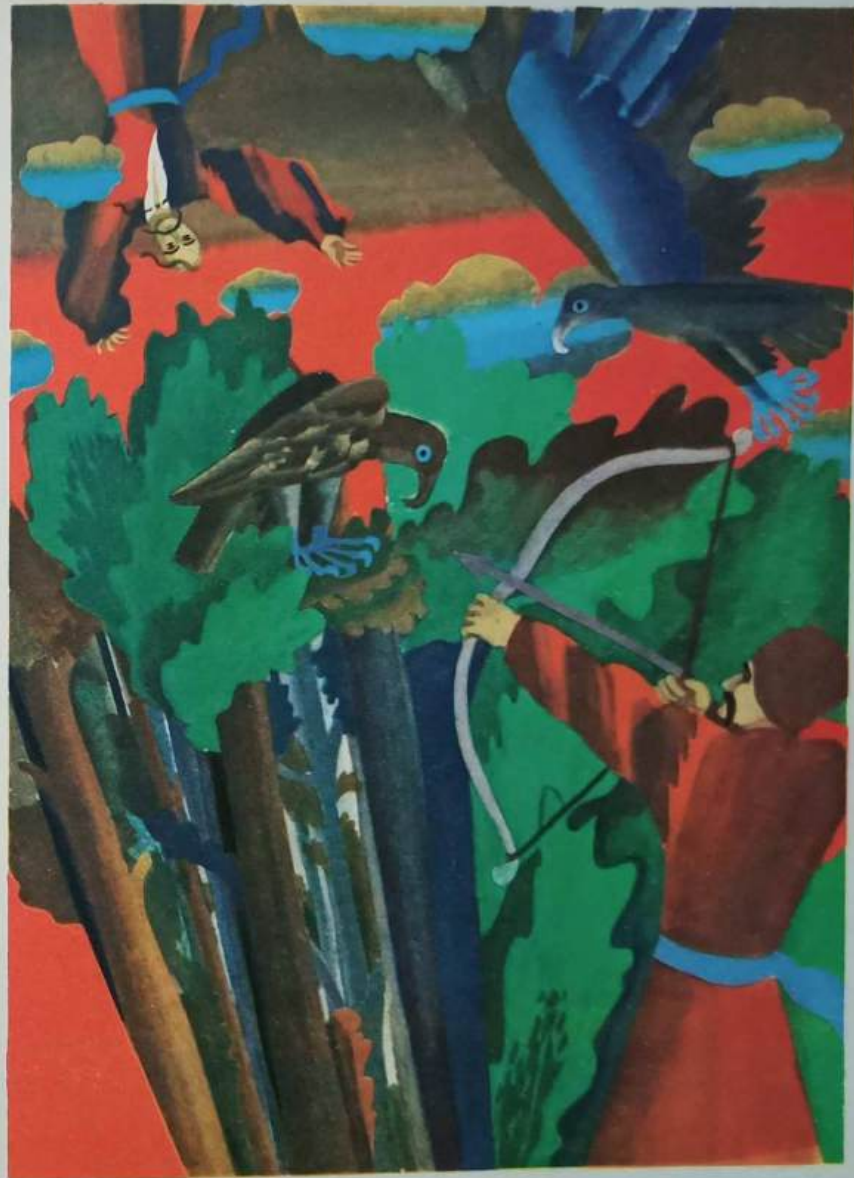
— Отнеси меня к себе до-
мой и корми мясом, пока у ме-
ня крылья отрастут.

А было у того хозяина две
коровы, а третий бык. Вот и за-
резал хозяин для орла корову.
Съел орёл за год корову и го-
ворит хозяину:

— Пусти меня полетать: я
посмотрю, отрасли ли у меня
крылья.

Выпустил он орла из хаты.
Полетал-полетал орёл, приле-
тает в полдень к хозяину и го-
ворит ему:

— У меня ещё силы мало.
Зарежь для меня яловую ко-
рову!

Послушал его хозяин, зарезал. Орёл съел и её за год да как полетел опять!.. Пролетал чуть не целый день, прилетает к вечеру и говорит хозяину:

— Зарежь ещё и быка!

Думает хозяин: «Что делать — резать или не резать?» А потом говорит:

— Больше пропало, пускай и это пропадает!

Взял и зарезал быка. Съел орёл быка за год, а потом как полетел, то летал уже высоко-высоко, под самую тучей. Прилетает опять и говорит:

— Ну, спасибо тебе, хозяин, выкормил меня, теперь садись на меня.

Хозяин спрашивает:

— А зачем?

— Садись! — говорит.

Вот он и сел.

Поднял его орёл до самой тучи, а потом и кинул вниз. Летит хозяин вниз, да не дал орёл ему до земли долететь, подхватил его и спрашивает:

— Ну, что тебе показалось?

А тот отвечает:

— Я будто уже ни жив ни мёртв был.

Орёл ему и говорит:

— Вот так же было и со мной, когда ты в меня целился.

Потом говорит:

— Ну, садись ещё.

Не хотелось хозяину садиться, да нечего делать — сел всё-таки. Понёс его орёл снова в самую тучу и сбросил оттуда вниз и подхватил, наверное, сажени за две от земли да и спрашивает:

— Ну, что тебе показалось?

Тот отвечает:

— Казалось мне, будто мои косточки уже рассыпались.

Тогда орёл ему говорит:

— Вот так же было и со мной, когда ты во второй раз в меня целился. Ну, садись опять!

Тот сел.

Как понёс его орёл выше тучи, да как пустил вниз и подхватил у самой земли, а потом спрашивает:

— Ну, что тебе показалось, когда ты на землю падал?

А тот ему отвечает:

— Да будто меня уж и на свете не было.

Тогда орёл и говорит:

— Так же и со мной было, когда ты в третий раз в меня целился. Ну, теперь никто из нас друг перед другом не виноват: ни ты передо мной, ни я перед тобой. Садись на меня, полетим ко мне в гости.

Вот летят они, летят, прилетают к его дядюшке. Орёл и говорит:

— Ступай в хату; а когда спросят тебя: не видал ли, мол, где нашего племянника, ты и ответь: «Коль дадите мне яйцо-райцо, то и его самого приведу».

Входит он в хату, а его спрашивают:

— По доброй воле иль по неволе пожаловал?

Он отвечает:

— Добрый казак только по воле ходит.

— А не слыхал ли ты про нашего племянника? Уж третий год, как ушёл он на войну, а о нём ни слуху ни духу?

А он и говорит:

— Коль дадите яйцо-райцо, то и приведу его.

— Нет, лучше уж нам его и не видеть, чем тебе яйцо-райцо отдать.

Вышел он из хаты да и говорит орлу:

— Сказали так: лучше нам его и не видеть, чем тебе яйцо-райцо отдать.

Орёл ему и говорит:

— Летим дальше!

Летят, летят, прилетают к брату орла; и тут хозяин говорил то же, что и у дядьки, но яйца-райца и тут не дали.

Прилетают они к его отцу, а орёл и говорит охотнику:

— Иди в хату, и когда ста-

нут тебя обо мне расспрашивать, ты скажи, что видал, а дадут яйцо-райцо, то и самого приведёшь.

Входит он в хату. Они его и спрашивают:

— По воле иль по неволе пожаловал?

Он им отвечает:

— Добрый казак только по воле ходит.

Стали его спрашивать:

— Не видал ли где нашего сына? Вот уже четвёртое лето его нету, пошёл воевать да, видеть, его там убили.

А охотник говорит:

— Я его видел, а если дадите яйцо-райцо, то и приведу.

Вот отец орла и спрашивает:

— Зачем оно тебе? Лучше мы тебе много денег дадим.

— Денег я, — говорит, — не хочу, дайте мне яйцо-райцо!

— Так ступай приведи — тут же и дадим.

Вводит он орла в хату. Увидели его отец с матерью и так обрадовались, что дали яйцо-райцо и говорят:

— Смотри же не разбивай нигде по дороге, а вернёшься домой, сделай большой загон, там и разобьёшь.

Вот идёт он, идёт, и так ему пить захотелось! Набрёл он на

колодец. Только начал пить воду, как невзначай и разбил яйцо-райцо о ведро. Как стал из того яйца скот валить... Валил и валит. Бегаёт он за скотом, да пока с одной стороны подгонит, скот в другую разбегаётся... Кричит бедняга: никак один не управится!

Вдруг подползает к нему змея и говорит:

— А что ты мне дашь, хозяин, ежели я загоню тебе скот назад в яйцо?

Он ей говорит:

— Что ж тебе дать?

Змея просит:

— Дашь мне то, что появилось без тебя дома?

— Дам, — говорит.

Вот загнала она весь скот назад в яйцо, залепила его как следует и подала ему.

Приходит он домой, а там сын без него родился. Он так за голову и схватился:

— Это ж я тебя, сынок, змею отдал!

Горюют они с женой вместе. Слезами горю не поможешь! Надо как-то жить на свете.

Загородил он большие загоны, разбил яйцо, выпустил скот — разбогател.

Живут они, поживают, а там и сын подрос.

Вот он и говорит:

— Это вы меня, тату, змею отдали. Да уж как-нибудь проживу!

И пошёл он к змее. Приходит к ней, а она ему и загадывает:

— Выкорчуй мне этот лес за одну ночь да землю вспаши, пшеницу посей, сожги её, в скирды сложи, и чтобы мне за ночь из той самой пшеницы паляницу испёк: я встану, чтоб она на столе лежала.

Вот идёт он к пруду, запечатился. А там стоял недалеко каменный столб, а в том столбе змеиня дочь была замурована. Подходит он туда и плачет.

А змеиня дочь его и спрашивает:

— Чего ты плачешь?

— Да как же мне, — говорит, — не плакать, если змея задала такое, что мне никогда не выполнить, да ещё говорит, чтобы за одну ночь всё это сделал.

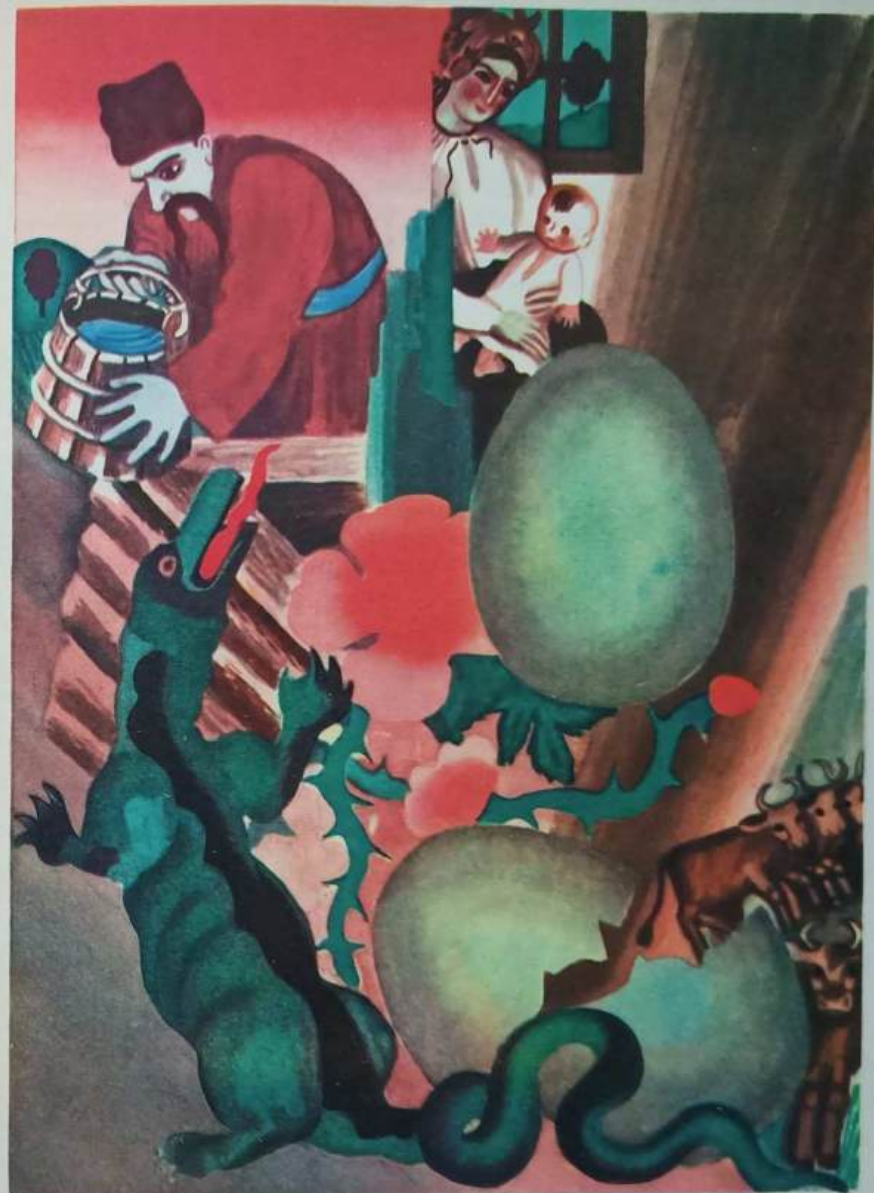
— А что же такое?

Он ей и рассказал. Тогда она говорит:

— Коль возьмёшь меня в жёны, я для тебя всё сделаю, что она велела.

— Хорошо, — говорит.

— А теперь, — говорит она, —

можешь спать. Завтра подымайся пораньше, понесёшь ей паляницу.

Вот пошла она в лес да как свистнет — так весь лес и закрипел, затрещал, и на месте том уже пашется и сеется... Испекла она до зари паляницу, дала ему. Принёс он её змее в дом да и на стол положил.

Проснулась змея, вышла во двор, смотрит на лес, а вместо него лишь жнивье да скирды стоят.

— Ну, справился! Смотри же, чтоб и второе дело выполнил! — И сразу ему приказывает: — Раскопай мне вон ту гору, да так, чтобы Днепр в её сторону тёк, и построй у Днепра амбары: будут байдаки к ним подходить, а ты торговать той пшеницей будешь. Как встану утром, чтобы всё готово было!

Идёт он опять к столбу, плачет.

А та дивчина его спрашивает:

— Чего ты плачешь?

Рассказал он ей обо всём, что змея ему загадала.

— Ложись спать, я всё сделаю.

А сама как свистнет — так гора сама раскапывается, течёт туда Днепр, а рядом амбары

строятся... Пришла она, разбудила его, велит пшеницу отпускать из амбаров купцам на байдаки.

Просыпается змея, видит — всё сделано, что велено было.

Загадывает ему в третий раз:

— Поймай мне этой ночью золотого зайца и принеси его мне утром пораньше домой.

Идёт он опять к каменному столбу, плачет. А дивчина его спрашивает:

— Ну, что она загадала?

Он и рассказал.

— Вот это уже не шутка: кто знает, как его и поймать! Пойдём, однако, к скале. Становись над норой — ты будешь ловить. А я пойду его из норы гнать. Только смотри: кто бы из норы ни выходил, хватай его — это и будет золотой заяц!

Вот пошла она, гонит. Выползает из норы гадюка и шипит. Он её и пропустил. Выходит из норы дивчина, спрашивает его:

— Ну что, никто не выходил?

— Да нет, — говорит, — гадюка вылезала. Я испугался, что укусит, да и пропустил.

А она ему и говорит:

— Ведь это и был золотой заяц! Ну смотри, я опять по-

йду: и если кто выйдет и скажет тебе, что тут нет золотого зайца, не верь, а хватай его!

Забралась она в нору, опять гонит. Вдруг выходит старая-престарая бабка и спрашивает парубка:

— Что ты, сыночек, тут ищешь?

— Золотого зайца.

А она ему:

— Да где ж ему тут взяться? Здесь его нет!

Сказала так и ушла.

Вот выходит дивчина и спрашивает:

— Ну что, нет зайца? Никто не выходил?

— Да нет, — говорит, — выходила старая бабка, спрашивала, что я ищу. Я сказал, что золотого зайца, а она говорит, тут его нет; вот я её и пропустил.

Тогда она и говорит:

— Почему ж ты её не схватил? Ведь это же и был золотой заяц! Ну, теперь уже тебе его больше никогда не поймать, разве что я сама обернусь зайцем, а ты принесёшь меня и положишь на стул, только не давай змее в руки, а если отдашь, она узнает и разорвёт и тебя и меня.

Так она и сделала: обернулась золотым зайцем, а он взял

принёс того зайца, положил на стул и говорит змее:

— Берите зайца, а я от вас ухожу.

— Хорошо, — говорит.

Он и пошёл. Только змея из дому вышла, обернулся заяц дивчиной — и следом за ним. Бросились они бежать вместе. Бегут, бегут. А змея посмотрела, догадалась, что это не заяц, а её дочка, и послала своего мужа в погоню. Бежит он за ними, слышат они — уж земля гудит... Вот она и говорит:

— Это за нами гонятся! Обернусь я пшеницей, а ты дедам, и будешь меня сторожить; а если спросит тебя кто-нибудь: «Не видал ли парубка с дивчиной, не проходили ли мимо?» — ты скажи: «Проходили, когда эту пшеницу сеяли».

А тут и змей летит, спрашивает у деда:

— Не проходил ли здесь парубок с дивчиной?

— Проходил.

— Давно ль они проходили? — спрашивает.

— Да ещё когда эту пшеницу сеяли.

Змей и говорит:

— Эту пшеницу пора косить, а они только вчера пропали. — И назад вернулся.

Обернулась змеиня дочь

опять дивчиной, а дед парубком, и давай дальше бежать.

Прилетает змей домой. Змея его спрашивает:

— Ну что, не догнал? Никого не встречал по дороге?

— Да нет, — говорит, — встречал: сторожил дед пшеницу; я спросил у него: не проходили ли, мол, тут парубок с дивчиной? А он говорит: проходили, когда ещё пшеницу сеяли, а ту пшеницу впору косить, вот я и вернулся.

Тогда змея ему говорит:

— Почему ж ты этого деда и пшеницу не разорвал? Это же они и были! Ну, теперь я сама побегу, ты ни к чему не годишься! — И побежала.

Вот бежит... Слышат те — так земля и стонет, и горит. Говорит ему дивчина:

— Ох, теперь мы пропали, сама за нами бежит! Сделаю я тебя речкой, а сама рыбой-окунем обернусь.

Прибегает змея, говорит рече:

— Что, убежали?

Обернулась она шукой и давай за окунем гоняться: хочет поймать, а тот повернётся своим колючим пером, и не схватить его шуке. Гонялась, гонялась, да так и не поймала; задумала она тогда всю речку

выпить. Стала пить: пила, пила, да и лопнула.

А дивчина, которая рыбой была, говорит тогда парубку, что был речкою:

— Теперь нам бояться уже нечего! Пойдём к тебе домой, но смотри, как войдёшь в хату, всех можешь поцеловать, да только дядиного ребёнка не целуй, а если поцелуешь, то меня забудешь. А я пойду в село к кому-нибудь наймусь.

Вот вошёл он в хату, со всеми поздоровался, да и думает: «Как же мне с дядиным ребёнком не поцеловаться? Они ещё обо мне дурное что-нибудь подумают». Поцеловал он ребёнка и вмиг забыл свою дивчину.

Пожил он с полгода и надумал жениться. Посоветовали ему одну красивую дивчину сватать, и позабыл он про ту, что его от змеи спасла, за другую посватался.

Вот вечером, перед самою свадьбой, зовут женщин печь «шишки». Позвали и ту дивчину, с которой он вместе бегством спасался, хоть никто и не знал, кто она такая. Стали «шишки» лепить, и вылепила та дивчина из теста голубка и голубку, поставила их на пол, — они и ожили. Давай голубка ворковать голубку:

— Неужели ты позабыл, как я для тебя лес корчевала, пшеницу сеяла, паляницу пекла, чтобы ты змее отнёс?

А голубь воркует:

— Позабыл, позабыл!

— А неужели ты забыл, как я за тебя гору раскапывала и Днепр пустила туда, чтобы байдаки по нему к амбарам ходили и чтоб ты ту пшеницу на байдаки продавал?

А он воркует:

— Позабыл, позабыл!

Голубка опять спрашивает:

— А неужели ты забыл, как мы вместе за золотым зайцем охотились? Ты и меня позабыл?

А голубь воркует:

— Забыл, забыл!

Вот тут-то парубок и вспомнил про ту самую дивчину, что голубков слепила, и бросил ту, а на этой женился. И живут они теперь хорошо.

ЛИСИЧКА И ЖУРАВЛЬ

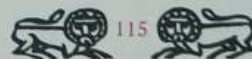
Жили-были Лисичка и Журавль. Однажды они в лесу повстречались. Да так подружились!

Зовёт Лисичка Журавля к себе в гости.

— Приходи, — говорит, — Журавлик, приходи, лебедь мой! Я для тебя, как для себя, постараюсь. Я для тебя — как для себя.

Как не откликнуться на такое приглашение! Вот приходит Журавль. А Лисичка наварила каши с молочком, размазала по тарелке и приглашает:

— Угощайся, Журавлик, угощайся, мой миленький!

Журавль к тарелке — стучал, стучал клювом, ничего ухватить не может.

А Лисичка принялась за еду — раз да раз аккуратненько языком, сама всю кашу и вылизала.

Вылизала и говорит Журавлю:

— Извини, Журавушка, — что имела, того не жалела, а больше угостить нечем.

— Что ж, спасибо, — отвечает Журавль. — Теперь, Лисичка, ты ко мне в гости приходи.

— Приду, Журавлик, приду, лебедь мой!

На том и расстались.

Вот уже Лисичка идёт к Журавлю в гости.

А Журавль наварил такой вкуснятины: взял и мяса, и свёколочки, и картошечки — всего-всего, накрошил маленько, сложил в кувшинчик с узким горлышком и говорит:

— Угощайся, милая подружка, не стесняйся!

Лисичка к кувшинчику — голова не влезает! Она сюда, она туда, она и боком, и стоя, и лапкой, и заглядывает, и принюхивается... Даже на стол взобралась — ничего не выходит!

А Журавль не гуляет: всё клювом в кувшинчик, всё в кувшинчик. Потихоньку-помаленьку — и съел, что наварил. А потом говорит:

— Ты уж, — говорит, — извини, Лисонька, что имел, того не жалел. А больше и угостить нечем.

Ох и разгневалась Лисичка! Так рассердилась, что и поблагодарить забыла, как принято, как положено. Так, видно, ей Журавушкино угощение по вкусу пришлось!

С той поры и не водится с журавлями.

ИВАН-ПОБИВАН

Повадился когда-то давно страшный змей в одно село людей пожирать и съел всех, как есть, только один старик и остался.

— Ну, — говорит змей, — завтра тобою, дед, позавтракаю.

А через то село шёл один бедный парубок и заглянул к тому старику, попросился переночевать.

— Разве тебе жить надоело? — спрашивает его старик.

— С чего бы это? — отвечает бедный парубок. Старик и рассказал ему, что здесь змей уже всех

людей извёл и завтра утром его самого съест.

— Э-э,— говорит парень,— не съест.

Вот утром прилетает змей и видит парубка.

— О,— говорит,— это хорошо, был один, а теперь двое.

А парубок:

— Гляди, чтоб не повредило! Змей удивляется.

— Как,— говорит,— разве ты сильнее меня?

— Конечно.

— Какой же ты силач?! Вот я, гляди... — Взял камень, как сдавил, так тот камень в муку и превратился.

— Ну, это чепуха,— говорит парубок,— сдави камень так, чтобы из него вода потекла.— И тут же взял из миски кусок сыра да как сдавит, так из него сыворотка и потекла.

— Вот так,— говорит,— дави.

— Ну, пойдём,— говорит ему тогда змей,— беру тебя в компанию.

А парубок ему:

— Разве что старшим.

И пошли. Спрашивает его змей:

— А как тебя зовут?

— Иван-Побиван,— говорит парубок.

Змей испугался и подумал:

«Ещё, чего доброго, и меня побьёт».

Пришло время обедать, змей и говорит:

— Пойди-ка ты, парубок, и принеси сюда вола, будем обед варить.

Пошёл парубок, но куда там ему вола, хоть бы одну ногу его донести. Вот ходит он по стаду змея и связывает волов хвостами друг к другу, в одну связку. А змей ожидал, ожидал да и не дождался, побежал туда сам.

— Что ты, парубок, делаешь?

— Э, буду я тебе по одному носить, я всех сразу хочу забрать.

Взял змей одного вола да и поволок. Отдаёт парню воловью шкуру.

— Иди,— говорит,— принеси полную шкуру воды.

Взял парубок шкуру, насили до колодца дотянул, опустил в него, а вытянуть не может. Тогда он смастерил себе деревянную лопату и стал ходить вокруг колодца, подкапывать его.

Прибегает змей:

— Что ты тут делаешь?

— Э, буду я тебе в шкуре воду носить! Я зацеплю сейчас колодец и приволоку.

— А чтоб тебе,— говорит змей, а сам испугался силы

того парубка. И понёс шкуру сам.

— Поди же, — говорит, — парубок, дров принеси; вырви там дуб посуше, и нам хватит.

— Э, буду я тебе носить понемногу! Вот если бы сразу дубов двадцать, это дело другое!

Сказал и сделал вид, что рассердился, не пошёл.

Вот змей наварил, сел и ест, а парубок вроде всё сердится и не идёт обедать, а то змей сразу догадается, что он не такой сильный: меньше змея есть будет. А когда от обеда осталась самая малость, парубок сел, похлебал и говорит:

— Мало.

— Ну, — говорит змей, — если мало, то идём теперь к моей матери, она нам вареников наварит.

— Ну, идти так идти, — говорит парубок, а сам думает: «Теперь я пропал».

Как начали они там есть, — а вареников тех стоит бочек двадцать. Змей всё ест да ест, уже и наедаться стал. А парубок всё за пазуху да в штаны прячет. Котлов двадцать им подали, а парубок, знай своё, прячет.

Как поели, змей и говорит:

— Пойдём на камне вертеться.

— Идти так идти, — говорит парень.

Змей как крутнётся на камне — огонь пошёл.

— Ерунда, — говорит парень, — ты так повертись, чтобы не огонь, а вода потекла. — Да как прижмёт к камню вареники, которые в его одежде были, так сок из них и брызнул.

— Вот так, — говорит, — повертись.

Да ещё, да ещё:

— Вот так дави!

Тут змей вконец испугался Ивана-Побивана. Однако говорит:

— А ну давай кто сильнее засвистит.

— Давай.

Змей как свистнул, так деревья и пригнулись.

«Ну, — думает Иван-Побиван, — что же теперь делать?» А тут, к счастью, дубина рядом лежала.

Посмотрел на неё Иван и говорит змею:

— Закрой глаза, потому что если я свистну, глаза твои могут ослепнуть.

Змей и закрыл глаза. А Иван-Побиван как хватит змея той дубиной промеж глаз, тот аж подпрыгнул.

— Правду ты сказал, — гово-

рит змей, — глаза и впрямь чуть не ослепли.

И чтобы быть подальше от Ивана, построил ему хату на отшибе. Там парубок и живёт себе. А змей давай с матерью советоваться, как им того парубка со света сжить.

— Давай, — говорит, — его сожжём.

А парубок подслушал их и спрятался на всю ночь. А как

сожгли они ту хату, пришёл парубок, стал у пепелища и отряхивается, будто только что оттуда вышел. Приходит змей,

— Ты что, парубок, разве ещё живой?

— Живой, только ночью меня вроде как комар укусил.

«Ну, — думает змей, — от такого нужно подальше быть».

Да и убежал из тех краёв, только его и видали.

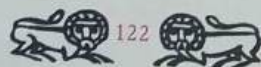
КОШЕЛЁЧЕК

или-были муж и жена, и была у них пара волов, а у соседей — воз. И вот как придёт воскресный день или праздник, то кто-нибудь из них берёт волов и воз и едет то ли на ярмарку, то ли в гости. А в другое воскресенье — другой. Так и делились.

Вот жена мужа, чьи вола были, однажды ему и говорит:

— Продай волов, купим себе и коня и воз, будем сами и в город и к родственникам ездить. Да ещё посуди сам: сосед-то воз не кормит, а нам волов кормить надо.

Повёл муж волов на базар. Ведёт по дороге, а его догоняет человек на коне.

- Здоров!
- Здоров!
- Куда волов ведёшь?
- Продавать.
- Сменяй на коня.
- Давай.

Выменял коня, сел верхом и едет. Отъехал недалеко и встречает человека. А тот корову гонит.

- Здоров!
- Здоров!
- Куда это ты едешь?
- Коня продавать.
- Поменяй коня на корову.
- Давай.

Поменял и ведёт по дороге. А на поле пасутся свиньи и овцы. Сговорился он и выменял корову на свинью, а потом — свинью на овцу и затопил домой. Овечка хороша, но тут, где ни возьмись, большая речка, а на ней видимо-невидимо гусей. Подошёл он поближе, разговорился с людьми, выменял овцу на гуску, и пошёл вдоль реки, и пришёл в село. А там встретил женщину. А она:

- Поменяй гуску на петуха.
- Давай!

Поменялись. Идёт дальше, и вдруг догоняет его человек.

— Продавать?

— Да.

— Давай поменяемся. Я тебе кошелёк, а ты мне — петуха.

Поменял петуха на кошелёк и спешит домой. А тут опять перед ним река разлилась. У берега паром стоит, за перевоз плату берут, а у него ни копейки.

— Перевезёте меня? Дам кошелёк.

— Садись.

Переехал на другой берег. А там стояли чумаки с возами. Расспросили его, за что он выменял кошелёк, и смеются над ним.

— Ох, и задаст тебе жена за это!

— Ничего мне не сделает. Скажет, хорошо, что сам живой вернулся.

И поспорили, побились об заклад. Если жена так и скажет, чумаки отдадут ему двенадцать возов добра, да ещё с кнутами.

Выбрали одного из чумаков и послали к его жене. Тот к ней приходит.

— Здравствуйте!

— Здоров!

— А ты про своего мужика слыхала?

— Нет, не слыхала.

— Он волов на коня сменял.
— Вот и хорошо, возок недорого стоит, как-нибудь соберёмся на него.

— Да он коня променял на корову.

— Ещё лучше, будет у нас молоко.

— Да он корову на свинью променял.

— И это хорошо, будут у нас поросята, а то всё покупать нужно.

— Да он свинью променял на овцу.

— И это хорошо, будут ягнята и шерсть, будет что зимой прясть.

— Да он овцу променял на гуску.

— И это хорошо, будут у нас яйца-крашенки и перья.

— Да он гуску променял на петуха.

— О, это ещё лучше, петух рано петть будет — нас на работу звать.

— Да он петуха променял на кошелёчек.

— И это хорошо, будем, кто что заработает, в кошелёчек складывать.

— Да он и кошелёк за перевоз отдал.

— Ну что ж, хорошо, что хоть сам живой и здоровый вернулся.

Так и пришлось чумакам отдать ему двенадцать возов добра.

СОЛОМЕННЫЙ БЫЧОК

или-были дед да баба. Дед служил на смолокурне смолокуром, а баба дома сидела, пряжу пряла. И такие они бедные — ничего у них нет: что заработают, то и проедят. Вот и пристала баба к деду — сделай да сделай, дед, соломенного бычка и смолой его осмоли.

— И что ты придумала? На что тебе такой бычок?

— Сделай, я-то уж знаю на что.

Деду нечего делать, взял сделал соломенного бычка и осмолил его.

Ночь проспала. А на утро набрала баба пряжи и

погнала соломенного бычка пастись, села сама у кургана, прядёт пряжу, приговаривает:

— Пасись, пасись, бычок, на травушке, пока я пряжу спряду! Пасись, пасись, бычок, на травушке, пока я пряжу спряду!

Пряла, пряла да и задремала. А тут из тёмного леса, из дремучего бора медведь бежит. Наскочил на бычка.

— Кто ты такой? — спрашивает. — Отвечай!

А бычок и говорит:

— Я бычок-третьячок, из соломы сделан, смолой осмолён!

Медведь говорит:

— Коль ты соломенный, смолой осмолённый, дай мне смолы ободранный бок залатать.

Бычок ничего, молчит. Тогда медведь цап его за бок и давай смолу обдирать. Обдирал, обдирал и зубами увяз: никак не выдернет. Дёргал, дёргал и затащил бычка неведь куда!

Вот просыпается баба — не ту бычка: «Ох, горюшко мне! Да куда ж это мой бычок делся? Пожалуй, домой уж пошёл». Мигом донце и гребень на плечи и — домой. Глядь — медведь по бору бычка таскает. Она к деду:

— Дед, дед! А бычок-то нам

медведя привёл. Ступай да убей его!

Вскочил дед, оттащил медведя, взял и кинул его в погреб.

Вот на другой день, ни свет ни заря, набрала баба пряжи и погнала бычка на пастбище. Сама села у кургана, пряжу прядёт и приговаривает:

— Пасись, пасись, бычок, на травушке, пока я пряжу спряду! Пасись, пасись, бычок, на травушке, пока я пряжу спряду!

Пряла, пряла да и задремала. А тут из тёмного леса, из дремучего бора серый волк выбегает и — к бычку.

— Кто ты такой? Говори!

— Я бычок-третьячок, из соломы сделан, смолой осмолён!

— Коль ты смолой осмолён, — говорит волк, — дай мне смолы бок засмолить, а то проклятые собаки ободрали.

— Бери!

Волк мигом к бычку, хотел смолу отодрать. Драл, драл да зубами и увяз, никак не вытащит: как ни тянет назад, ничего не поделает. Вот и возится с этим бычком!

Просыпается баба, а бычка уже не видать. Подумала: «Пожалуй, мой бычок домой побрёл», — да и пошла.

Глядь, а бычка волк тащит.

Побежала она, деду сказала. Дед и волчишку в погреб бросил.

Погнала баба и на третий день бычка пастись: села у кургана да и заснула. Бежит лисичка.

— Кто ты такой? — спрашивает бычка.

— Я бычок-третьячок, из соломы сделан, смолой осмолён.

— Дай мне, голубчик, смолы к боку приложить: проклятые борзые чуть с меня шкуру не сняли!

— Бери!

Завязла и лисица зубами, никак вырваться не может. Баба деду сказала, бросил дед в погреб и лисичку. А потом и зайчика-побегайчика поймали.

Вот как пособралось их, уселся дед над лазом в погреб и давай нож точить. А медведь его и спрашивает:

— Дед, а зачем ты нож точишь?

— Шкуру с тебя хочу снять да из той шкуры себе и бабе полушубки сшить.

— Ох, не режь меня, дедушка, лучше отпусти на волю: я тебе много мёду принесу.

— Ну, смотри!

Взял и отпустил медведишку. Сел над лазом, опять нож точит. Волк его и спрашивает:

— Дед, зачем ты нож точишь?

— Хочу с тебя шкуру снять да на зиму тёплую шапку сшить.

— Ой, не режь меня, дедушка, я тебе за это отару овец пригоню.

— Ну, смотри!

Отпустил дед и волка.

Сидит, опять нож точит. Высунула лисичка мордочку, спрашивает:

— Скажи мне, дедушка, будь милостив, ты зачем это нож точишь?

— У лисички, — говорит, — хороша шкура на опушку да на воротник, хочу снять.

— Ой дедушка, не снимай с меня шкуру, я тебе и гусей, и кур принесу!

— Ну, смотри!

Отпустил и лисичку. Остался один зайчик. Дед и на него нож точит.

Зайчик спрашивает — зачем, а он говорит:

— Узайчика шкурка мягонькая, тёпленькая — выйдут мне на зиму рукавички да шапка.

— Ох, не режь меня, дедушка, я тебе и серёжек, и лент, и красивое монисто принесу, отпусти меня только на волю!

Отпустил и его.

Вот ночь проспала, а на ут-

ро, ещё ни свет ни заря, вдруг — тук-тук! — кто-то к деду в дверь. Проснулась баба:

— Дед, а дед! Кто-то в дверь скребётся, выйди погляди!

Дед вышел, смотрит — а это медведь целый улей мёду приволол. Взял дед мёд и только прилёг, а в дверь снова: тук-тук! Вышел, а волк полон двор овец пригнал. А тут скоро и

лисичка кур, гусей и всякой птицы принесла. Зайчик натащил и лент, и серёжек, и монисто красивое. И дед рад, и баба рада. Взяли овец продали да волов купили, и стал дед чумаковать, да так разбогатели, что лучше и не надо. А бычок, как не стал уже нужен, всё на солнце стоял, пока не растаял.

ЛОШАДИНАЯ ГОЛОВА

Сказывала бы сказки — не умею, сказывала бы присказки — не смею, сказывала бы небылицы, да много в них путаницы.

Ну, сказки, хоть неумеючи, а сказывать надо.

Жили-были дед да баба. У деда дочь, и у бабы дочь. Вот баба посылает их на посиделки, пряжу прясть. Дедова дочь прядёт, а бабина ничего не делает. А придёт домой — ещё и наговорит на дедову.

Ну, баба и возненавидела дедову дочь и говорит деду:

— Поведи свою дочь, куда хочешь, да там и брось,

чтобы она у нас зря хлеб не ела!

Вот дед — делать нечего — и повёл её.

Ведёт, ведёт и завёл в лес. А в лесу стоит пустая хатка.

Он её в эту хатку и завёл.

— Сиди, дочка, здесь, а я пойду дровец нарублю.

И пошёл.

Привязал палку к окошку, а сам — домой.

Ветер подует, а палка — тук-тук, тук-тук!

А девушка:

— Это мой батюшка дрова рубит.

Сидит она себе, шьёт и не выходит смотреть, что там такое стучит. А тут и ночь наступила. Как вдруг — стучит-гремит — лошадиная голова бежит.

— Девка, девка, отвори!

Она и открыла.

— Девка, девка, перенеси через порог!

Она и перенесла.

— Девка, девка, дай поесть!

Она и поесть дала.

— Девка, девка, постели!

Она и постелила.

— Девка, девка, загляни-ка в моё левое ухо, а через правое выгляни!

Она и заглянула, а там — и магазины, и дворы, и большие дома, и всякая всячина.

А как выглянула из правого уха — стала прямо красавицей.

Со временем она вышла замуж за хорошего парня, и живут они поживают, горя не знают. А как дождались праздника, говорит своему мужу:

— Пойдём к моему отцу в гости.

— Пойдём, — говорит муж. И поехали.

А как прибыли — мачеха аж перепугалась, до того дедова дочь хороша стала, и говорит деду:

— Сведи да сведи мою дочь, куда свою водил.

Он взял да и повёл.

Ведёт, ведёт, вот и лес, а в лесу пустая хатка. Он её туда и завёл:

— Тут тебе, дочь, и жить!

И ушёл.

Досидела она до вечера, как вдруг — стучит-гремит — лошадиная голова бежит.

— Девка, девка, отвори!

— Невелика барыня, сама отворишь.

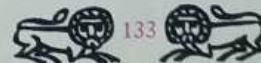
— Девка, девка, перенеси через порог.

— Невелика барыня, сама перелезешь.

Она и перелезла.

— Девка, девка, дай поесть.

— Невелика барыня, и сама возьмишь.

Она и поела.

— Девка, девка, постели спать.

— Невелика барыня, и сама постелишь.

— Девка, девка, загляни в моё левое ухо, а в правое выгляни.

Она и заглянула, а там — только лес, густой да тёмный, — ни зги не видеть. Тут — откуда ни возмись — волк, схватил её и понёс неведомо куда.

А у деда и бабы маленькая собачка была. Лежит она на завалинке и:

— Гав-гав! Дедова дочь — как солнышко, а про бабину и слухом не слыхивать!

А баба:

— Ах, пакостная собака, ещё и дразнится!

Пошла и прогнала собаку с завалинки, ещё и побила.

Но только баба в избу, а собачка опять на завалинку и:

— Гав-гав! Дедова дочь — как солнышко, а про бабину и слухом не слыхивать!

Баба и говорит деду:

— Поди, дед, разузнай, что за примета, что дочь твоя в гости приезжала, а про мою ничего не слыхать.

Дед и пошёл разузнать.

Приходит туда, куда дочерей водил, а там только пустая хатка в лесу стоит.

ЛЕТАЮЩИЙ КОРАБЛЬ

Был себе старик со старухой. Было у них три сына: двое умные, а третий — дурачок. Умных они и жалеют, каждую неделю старуха им чистые рубашки даёт, а дурачка всё ругают, смеются над ним, — а он знай себе на печи в куче проса сидит, в грязной рубашке. Коль дадут — поест, а нет — то и голодает. И вот прошёл на ту пору слух, так мол, и так: прилетел царский приказ к царю на обед собираться, и кто построит такой корабль, чтоб летал, да на том корабле приедет, за того царь дочку выдаст.

Вот умные братья и советуются:

— Пойти бы и нам, может, там наше счастье таится!

Пораздумали, у отца-матери просят:

— Пойдём мы, — говорят, — к царю на обед: потерять — ничего не потеряем, а может, там наше счастье найдётся!

Отец их отговаривает, мать отговаривает.

— Нет, пойдём, да и всё! Благословите в путь-дорогу.

Старики — нечего делать — взяли благословили их на дорогу: надавала им старуха белых паланиц, зажарила поросянку, — пошли они.

А дурачок сидит на печи да и себе просится:

— Пойду, — говорит, — и я туда, куда братья пошли!

— Куда уж тебе идти? — говорит мать. — Да тебя и волки съедят!

— Нет, — говорит, — не съедят: пойду!

Старики поначалу над ним смеялись, а потом и бранить начали. Видят, что ничего не поделаешь, и говорят:

— Ну, ступай, да чтоб назад не возвращался, нашим сыном не назывался.

Дала ему мать торбу, наложила туда чёрного чёрствого

хлеба, фляжку воды дала и вы проводила его из дома. Он и пошёл.

Идёт, идёт, вдруг попадаетея ему по дороге дед. Такой седой дедуня, борода вся белая, до самого пояса!

— Здравствуй, дедушка!

— Здорово, сынок!

— Куда, дедушка, идёте?

А тот и говорит:

— Хожу я по свету, людей из беды выручаю. А ты куда?

— К царю на обед.

— А ты разве умеешь такой корабль смастерить, чтобы сам летал? — спрашивает дед.

— Нет, — говорит, — не умею.

— Так зачем идёшь?

— А кто его знает, — говорит, — зачем! Потерять — не потеряю, а может, там счастье моё найдётся.

— Так садись, — говорит, — отдохни маленько, пополуднем. Доставай-ка, что у тебя там в торбе.

— Эх, дедушка, у меня нет ничего — один только чёрствый хлеб, вы такой и не укусите.

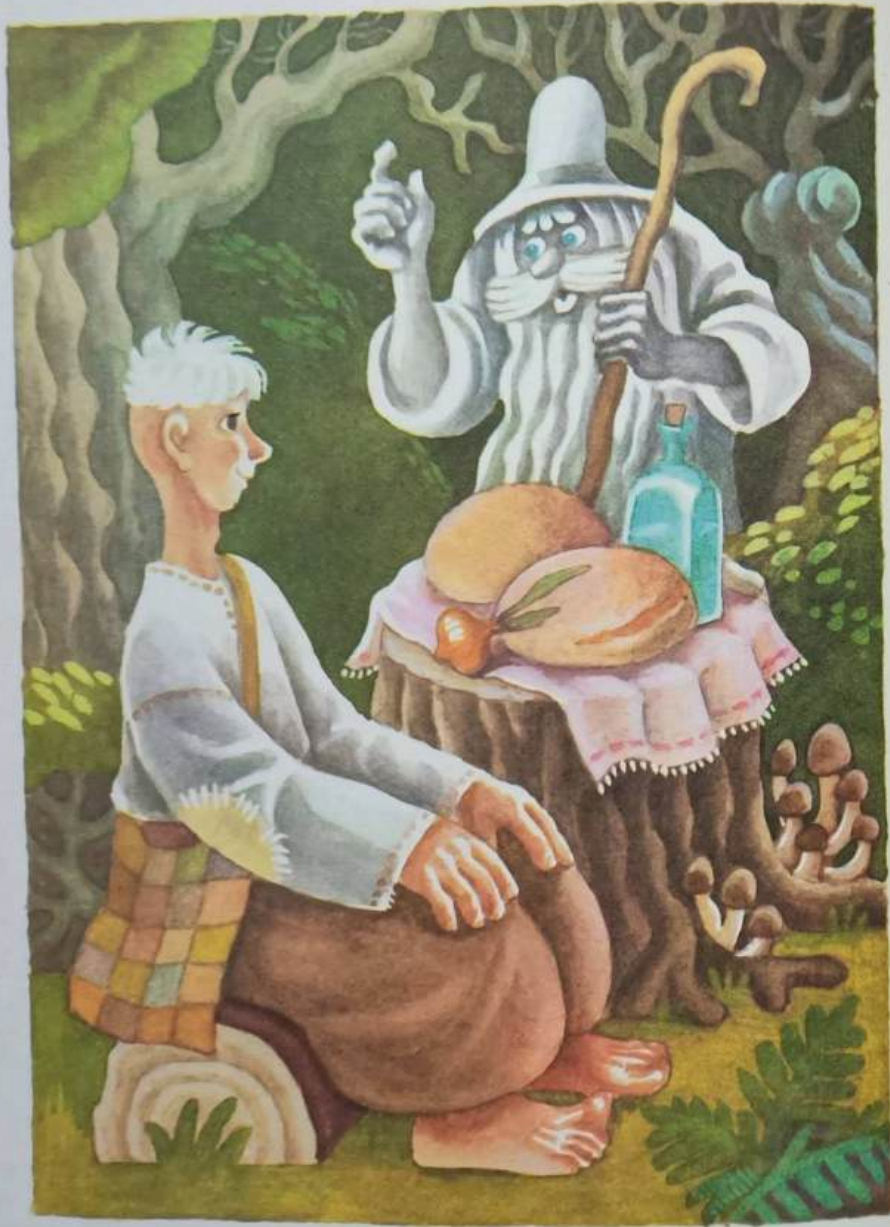
— Ничего, доставай!

Вот он достаёт, глядь — из того чёрствого хлеба да такие белые паланицы сделались, что он и отродясь таких не едал: прямо как солнце.

Вот они уселись и давай

полудничать. Закусили хорошо, поблагодарил дед парубка за хлеб и говорит:

— Ну, слушай, сынок, ступай теперь в лес, подойди к дереву и ударь топором по дереву, а сам поскорей наземь падай и лежи — пока тебя кто не разбудит. Вот тогда тебе корабль и построятся, а ты садись на него и лети, куда тебе надобно, и забирай по пути всякого встречного.

Поблагодарил парубок деда, распрощались они. Дед пошёл своей дорогой, а он в лес направился.

Вот вошёл в лес, подошёл к дереву, стукнул топориком, сам упал наземь и уснул. Спал-спал. Вдруг спустя некоторое время слышит: кто-то его будит.

— Вставай, твоё счастье уже спелое, подымайся!

Парубок проснулся, видит — стоит корабль, сам золотой, мачты серебряные, паруса шёлковые, так ветром и надуваются — только впору лететь!

Вот, не долго думая, сел он на корабль, снялся корабль и полетел... И полетел ниже облаков, выше земли, что и глазом не видать!

Летел, летел, вдруг видит — припал человек к земле ухом

и слушает. Он и крикнул ему:

— Здорово, дядько!

— Здорово, голубчик!

— Что это вы делаете?

— Да вот слушаю, — говорит, — собрались ли уже к царю на обед гости.

— А вы разве туда идёте?

— Туда.

— Так садитесь со мной, я вас подвезу.

Тот и сел. Полетели.

Летели, летели... глядь — идёт человек по дороге: одна нога к уху привязана, а на другой скачет.

— Здорово, дядько!

— Здорово, милый!

— Что это вы на одной ноге скачете?

— Да вот, если бы я, — говорит, — отвязал другую, то за один шаг весь свет бы обошёл.

А я, — говорит, — не хочу.

— Куда ж вы идёте?

— К царю на обед.

— Так садитесь с нами.

— Ладно.

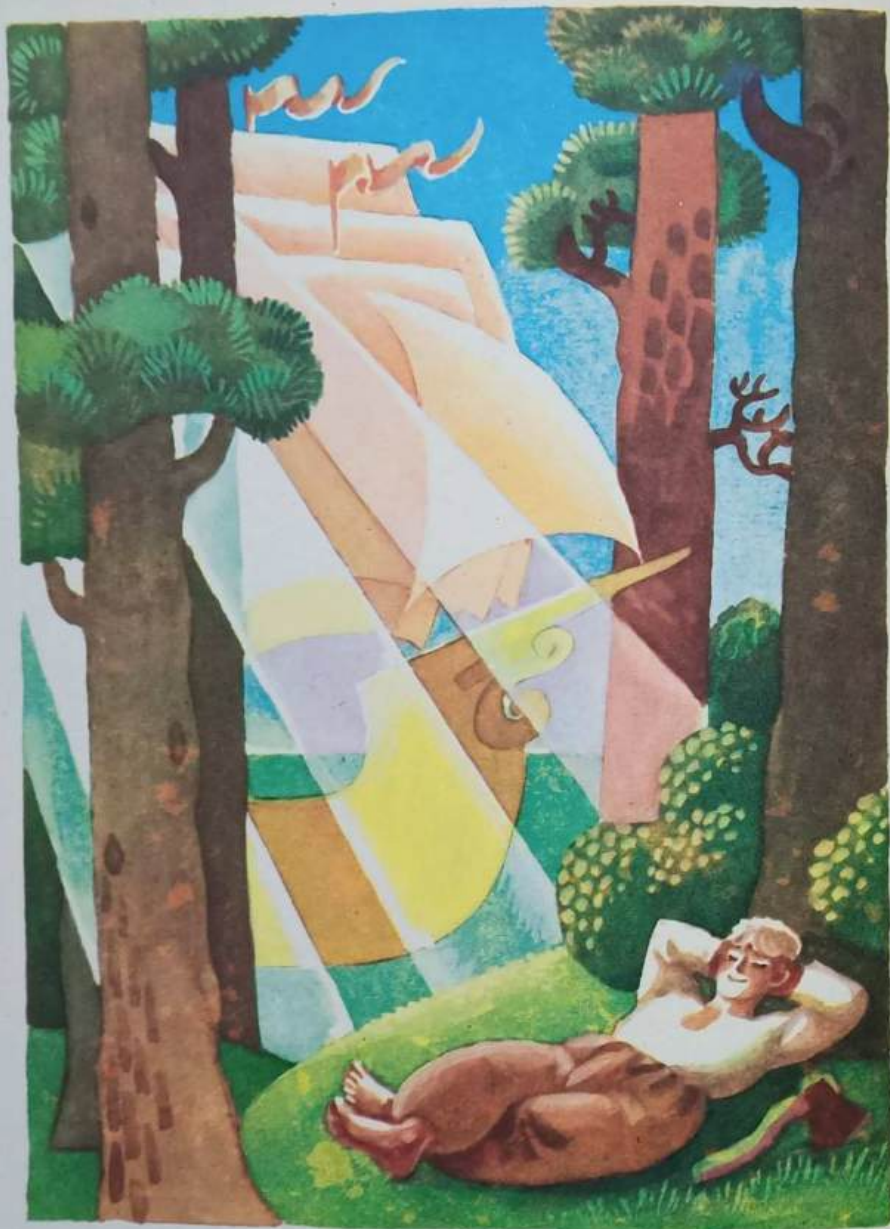
Тот сел. Опять полетели.

Летели, летели, глядь — стоит на дороге охотник, из лука нацеливается, а нигде ничего не видать, ни птицы, ни зверя.

— Здорово, дядько! Куда вы целитесь, если не видно ни птицы, ни зверя?

— Так что ж, что не видно?

Это вам не видно, а мне-то видеть!

— Да где же вы её видите?

— Э, да там вон за сто вёрст на сухой груше сидит!

— Садись с нами!

Он сел. Полетели.

Летели, летели, вдруг видят — идёт человек, несёт за спиной полный мешок хлеба.

— Здорово, дядько!

— Здорово!

— Куда вы идёте?

— Иду, — говорит, — хлеба на обед добывать.

— Да у вас и так ведь полный мешок.

— Да что этого хлеба! Мне и на один раз позавтракать не хватит.

— Садись с нами!

— Ладно.

Сел и тот. Поехали.

Летели, летели, глядь — бродит у озера человек, будто что ищет.

— Здорово, дядько!

— Здорово!

— Чего вы тут ходите?

— Пить, — говорит, — хочется, да вот никак воды не найду.

— Да перед вами же целое озеро — чего ж вы не пьёте?

— Эх, да что этой воды! Мне её на один глоток не хватит.

— Так садись с нами!

— Хорошо.

Сел он. Полетели.

Летели, летели, вдруг видят — идёт в село человек и несёт мешок соломы.

— Здорово, дядько! Куда это вы солому несёте?

— В село, — говорит.

— Вот так-так! А разве в селе нету соломы?

— Есть, — говорит, — да не такая!

— А это какая же?

— Да такая, — говорит, — что какое бы знойное лето ни было, а разбросай её — и вмиг, откуда ни возмись, мороз ударит и снег ляжет.

— Так садитесь с нами!

Тот сел. Полетели дальше.

Летели, летели, вдруг видят — идёт мужик в лес и вязанку дров за плечами тащит.

— Здорово, дядько!

— Здорово!

— Куда это вы дрова несёте?

— В лес.

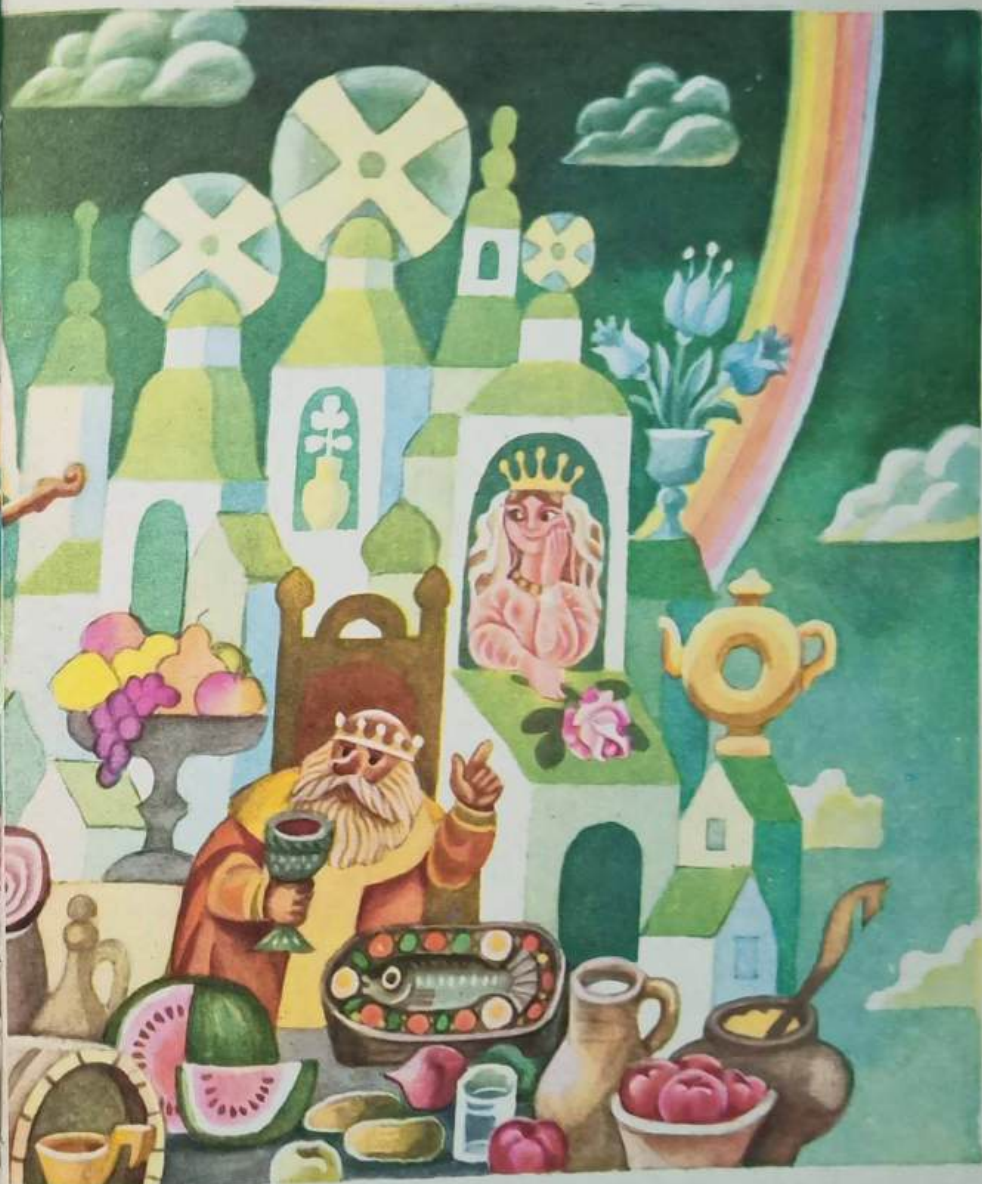
— Вот так-так! Разве в лесу дров нету?

— Как нету? Есть, — говорит, — да не такие.

— А это какие же?

— Там простые, а это такие, что только их разбросать, и враз, откуда ни возмись, войско перед тобой явится!

— Так садитесь с нами.
Согласился и этот, сел. Полетели.

Долго ли, коротко ли летели, а прилетают к царю на обед. А там посреди двора столы поставлены, понакрыты, бочки с мёдом выкатили: пей, душа, ешь, чего пожелаешь! А людей, прямо сказать, полцарства сошлось: старые и малые, и паны, и богачи, и старцы убогие. Как на ярмарке.

Прилетел парубок с товарищами на том корабле, спустился у царя перед окнами, вышли они из корабля, обедать пошли.

Глянул царь в окно, а там на золотом корабле кто-то прилетел, — и говорит слуге:

— Ступай да спроси, кто там на золотом корабле прилетел!

Пошёл слуга, посмотрел, приходит к царю:

— Какое-то, — говорит, — мужичьё, оборванцы!

Царь не верит.

— Да как же это, — говорит, — можно, чтоб мужики да на золотом корабле прилетели! Ты, пожалуй, плохо расспрашивал.

Взял и пошёл сам к людям.

— Кто тут, — спрашивает, — на этом корабле прилетел?

Выступил парубок.

— Я, — говорит.

Царь как поглядел, что на нём свиточка — латка на латке, и на штанах колени повывезли, — так за голову и схватился: «Как же я свою дочку за такого холопа выдам!» Что тут делать? И давай ему задачи загадывать.

— Ступай, — говорит слуге, — да объяви ему, что хоть он и на корабле прилетел, а если не добудет воды целеющей и живущей, пока гости пообедают, то не то что царевны не отдам, а вот меч, а ему голова с плеч!

Слуга пошёл.

А Слухало и подслушал, что царь говорил, и рассказал о том парубку. Сидит парубок на лавке, печалится, — не ест, не пьёт. Увидал это Скороход.

— Почему, — спрашивает, — не ешь?

— Да где уж мне есть! И в рот не лезет.

И рассказал, так, мол, и так:

— Загадал мне царь, чтобы я, пока гости отообедают, добыл воды живущей и целеющей. А как я её добуду?

— Не горюй! Я тебе достану!

— Ну, смотри!

Приходит слуга, даёт ему царский наказ, а он уже давно знает, как и что.

— Скажи, — говорит, — что принесу!

Вот слуга ушёл.

А Скороход отвязал ногу от уха да как двинулся, так враз и набрал воды живущей и целеющей.

Набрал, утомился. «Пока там, — думает, — обед, я успею ещё вернуться, а сейчас посижу у мельницы да отдохну маленько».

Сел и заснул. Гости уже обед кончают, а его всё нету.

Сидит паренёк ни жив ни мёртв. «Пропал!» — думает.

Слухало приложил к земле ухо и давай слушать. Слушал-слушал.

— Не горюй, — говорит, — возле мельницы спит, вражий сын!

— Что же нам теперь делать? — спрашивает дурень. — Как бы его разбудить?

Стрелок и говорит:

— Не бойся: разбужу!

И как натянул лук, как выстрелил — стрела прямо в мельницу ударилась, так щепки и полетели... Проснулся Скороход — поскорее туда! Гости только обед кончают, а он уже воду несёт.

Что тут делать царю? Давай другую задачу загадывать.

— Ступай, — говорит слу-

ге, — объяви ему: коли съест со своими товарищами за один присест шесть пар волов жареных да столько хлеба, сколько в сорока печах будет напечено, тогда, — говорит, — отдам за него дочку. А не съест, — вот мой меч, а ему голова с плеч!

А Слухало подслушал, да и рассказал о том парубку.

— Что ж мне теперь делать? Я и одного хлеба не съем! — говорит парубок.

Опять запечалился, чуть не плачет.

А Обьедало и говорит:

— Не плачь! Я за всех вас поем, да ещё и не хватит.

Приходит слуга: так, мол, и так.

— Ладно, — говорит парубок, — пускай дают!

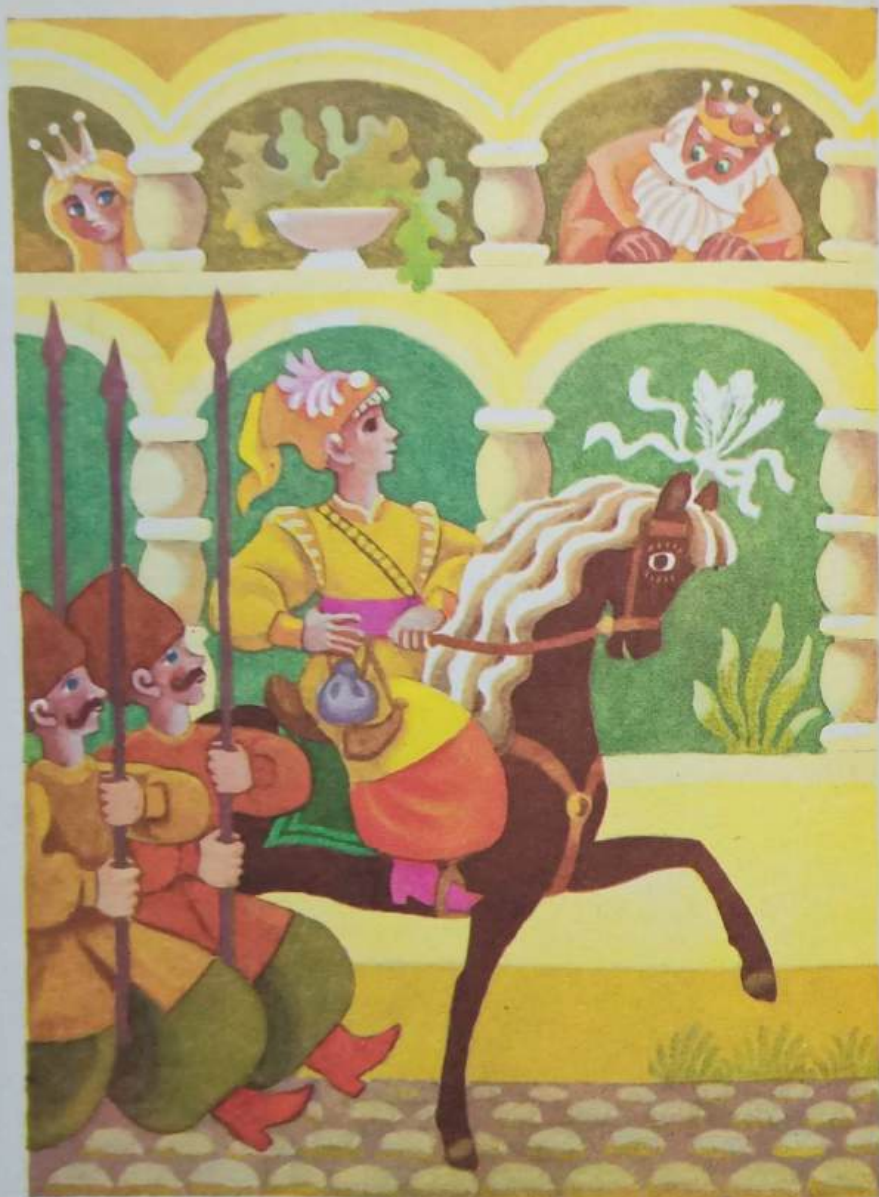
Вот изжарили двенадцать волов, напекли сорок печей хлеба. И как начал есть Обьедало — всё дочиста поел и ещё просит.

— Эх, — говорит, — мало! Хотя бы ещё немного дали!

Видит царь, что он такой, опять задачу загадывает, — чтоб сорок сороковых бочек воды залпом выпил, а не выпьет — вот мой меч, а ему голова с плеч!

Подслушал Слухало — рассказал: плачет парубок.

— Не плачь! — говорит Опивало. — Я, — говорит, — один выпью, да ещё маловато будет.

Вот выкатили им сорок сороковых бочек воды. И как начал пить Опивало — всё дочиста выдул да ещё посмеивается.

— Эх, — говорит, — маловато. Ещё бы выпил!..

Видит царь — ничего с ним не поделаешь, и думает: «Надо его, вражьего сына, со свету сжить, а то он моей дочкой завладеет!» И посылает слугу:

— Поди объяви, что велел царь, чтоб перед венцом в баню сходил.

А другому слуге наказывает пойти и сказать, чтоб баню чужиную натопили: «Уж теперь он, такой-сякой, сжарится!» Натопил истопник баню — так и пышет.

Сказали парубку. Вот идёт он в баню, а за ним Морозко следом идёт с соломой. Только вошли в баню, а там такая жарница, что прямо невозможно! Разбросал Морозко солому — и враз стало так холодно, что парубок еле обмылся, да поскорей на печь, там и заснул, — намёрзся-таки хорошенько! Отворяют утром баню, думают, от него только пепел остался, а он лежит себе на печи; они его и разбудили.

— Ох, — говорит, — как крепко я спал! — да и пошёл из бани.

Доложили царю, так, мол, и так: на печи спал, а в бане так холодно, будто целую зиму не топлено.

Крепко опечалился царь: что тут делать. Думал-думал...

— Ну, — говорит, — коль выставит мне на утро целый полк войска, уж выдам тогда за него свою дочку, а не выставит — мой меч, а ему голова с плеч!

А у самого на уме: «Где уж простому мужику полк войска добыть? Я царь, да и то...»

Вот и отдал приказ.

А Слухало подслушал, да и рассказал о том парубку. Сидит опять он, плачет: «Что мне теперь делать? Где мне столько войска достать?»

Идёт на корабль к товарищам:

— Ой, братцы, выручайте! Не раз из беды выручали и теперь выручите! А не то я пропал!

— Не плачь! — говорит тот, что дрова нёс. — Я тебя выручу.

Приходит слуга.

— Наказал, — говорит, — царь, что коль выступишь на утро целый полк войска, тогда царевна твоя!

— Ладно, будет сделано! —

говорит парубок. — Только скажи царю, коль не отдаст и теперь, то я на него войной пойду и силой царевну возьму.

Вывел товарищ ночью парубка в поле и понёс с собою вязку дров. И давай их в разные стороны разбрасывать; что ни бросит — то и человек, что ни бросит — то и человек, то и человек! И набралось такого войска! Просыпается наутро царь, слышит — играют. Спрашивает:

— Где это так хорошо играют?

— Да это, — говорят, — тот своё войско муштрует, что на золотом корабле прилетел.

Видит тогда царь, что ничего не поделаешь, велел позвать его к себе.

А парубок сделался такой, что и не узнать его — так одежда на нём и сияет, шапочка золотая, а сам такой красавец, что и не описать! Ведёт своё войско, впереди сам на коне вороном, а за ним старшина...

Подступили ко дворцу.

— Стой! — крикнул. Войско в лавы построилось, все как один!

Пошёл он во дворец. Царь его обнимает, целует:

— Садись, зятюшка мой любезный!

Вошла и царевна. Как увидела — так и засмеялась: какой у неё муж пригожий будет!

Вот их поскорей обвенчали да такой пир задали, что аж до самого неба дым пошёл.

КАК АПРЕЛЬ К МАРТУ В ГОСТИ ХОДИЛ

Когда-то давно март пригласил апреля к себе в гости.

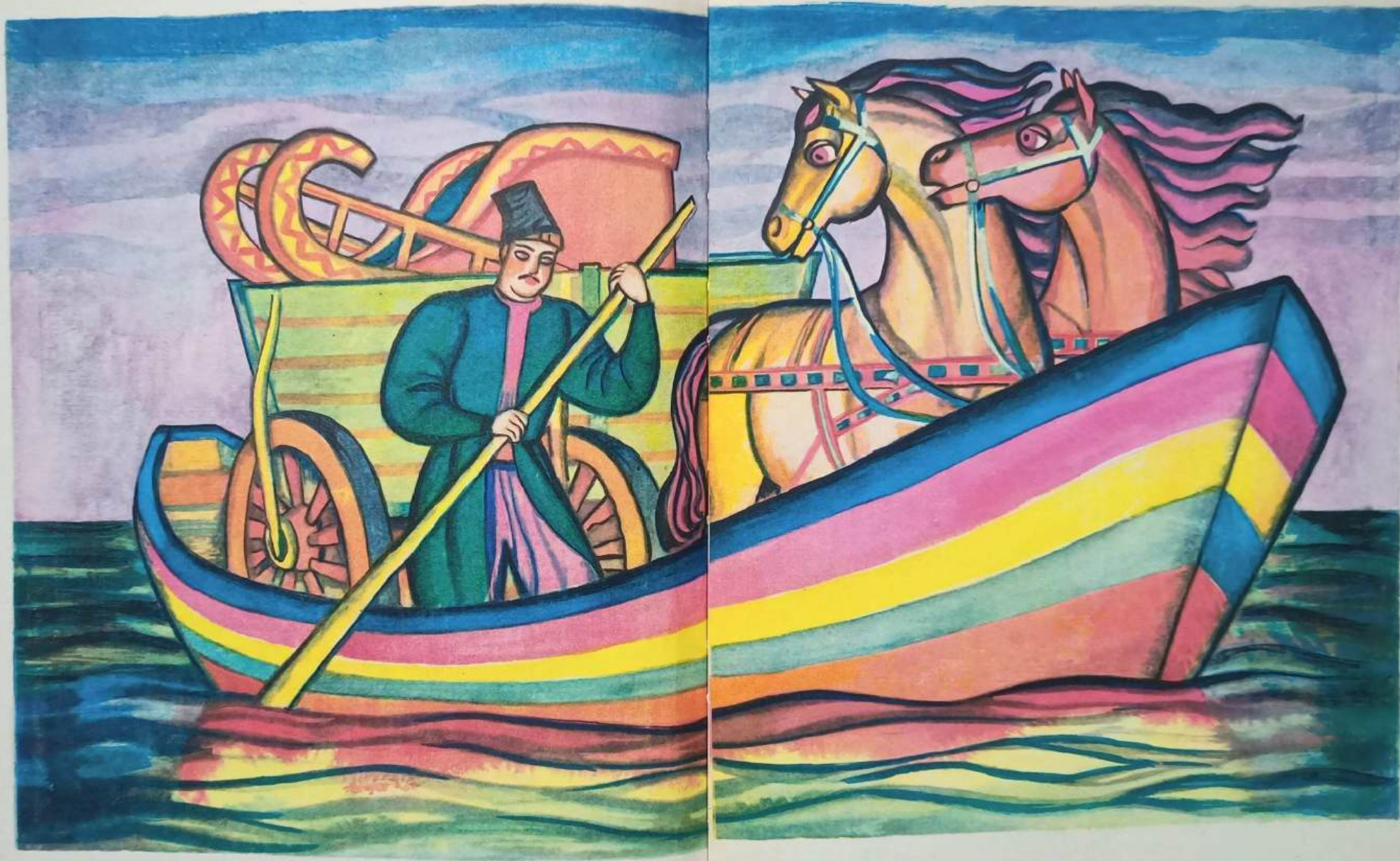
Поехал апрель в телеге, а март так разошёлся, такое натворил, что апрель должен был домой вернуться: снег, мороз, метель! — телегой не проехать.

В другой раз снова поехал апрель к марту в гости, но на этот раз уже не в телеге, а в санях. А март пустил тепло, снег растаял, реки разлились, — и апрель снова вернулся.

Встретился апрель с маем и жалуется:

— Сколько раз ни ездил к марту в гости — никак

не доеду: ни в телеге, ни в санях. Телегой поеду — становится зима такая, что оси леденеют и колёса не крутятся; санями поеду — теплынь такая наступает, что ни телегой, ни санями.

А май и говорит:

— Я тебя научу, как доехать. Сделай так: возьми телегу, сани и лодку, тогда уж точно доедешь.

Послушался его апрель и, дождавшись удобного часа, сделал так, как посоветовал май. Едет санями, а на санях телегу и лодку везёт. Март дал тепло, и снег растаял. Тогда апрель кладёт сани и лодку на телегу и дальше едет. Тут снова мороз и снег — апрель снова пе-

реложил лодку и телегу в сани. Потом растаял снег, разлились всюду речки, и нельзя ехать ни саням, ни телеге. Тогда апрель положил в лодку сани и телегу и поехал ещё быстрее по воде. Приехал к марту в гости и застал его врасплох.

Удивился март и спрашивает:

— Кто тебя научил, как надо до меня добираться?

— Спасибо маю, надоумил.

Тут март рассердился и говорит:

— Ну, погоди ж ты, май, теперь на себя пеняй!

И теперь часто в мае мартовские морозы бывают, потому что март до сих пор на май сердится.

РУКАВИЧКА

Шёл дед лесом, а за ним бежала собачка, и потерял дед рукавичку.

Вот бежит мышка, залезла в рукавичку:

— Тут я буду жить!

Вот лягушка скачет и спрашивает:

— Кто, кто в этой рукавичке живёт?

— Мышка-скреботушка. А ты кто?

— Лягушка-квакушка. Пусти и меня!

— Иди!

Стало их уже двое. Вот бежит ещё зайчик, подбежал к рукавичке и спрашивает:

— Кто, кто в этой рукавичке живёт?

— Мышка-скреботушка, лягушка-квакушка. А ты кто?

— А я зайчик-побегайчик. Пустите и меня!

— Да иди!

Стало их уже трое. Вот бежит лисичка и спрашивает:

— Кто, кто в этой рукавичке живёт?

— Мышка-скреботушка, лягушка-квакушка, зайчик-побегайчик. А ты кто?

— А я лисичка-сестричка. Пустите и меня!

— Да иди!

А тут волчик бредёт и тоже спрашивает:

— Кто, кто в этой рукавичке живёт?

— Мышка-скреботушка, лягушка-квакушка, зайчик-побегайчик, лисичка-сестричка. А ты кто?

— А я волчик-братик.

— Да уж иди!

Влез и он — уже их пятеро. Бежит кабан:

— Хро-хро-хро! Кто в этой рукавичке живёт?

— Мышка-скреботушка, лягушка-квакушка, зайчик-побегайчик, лисичка-сестричка, волчик-братик. А ты кто?

— Хро-хро-хро! А я кабан-кlyкан. Пустите и меня!

— Вот горе! Кто не набредёт, все в рукавичку! Как же ты сюда влезешь?

— Да уж влезу, — пустите!

— Что поделаешь, — иди!

Влез и он. Уже их шестеро, и так им тесно! А тут трещат кусты, вылезает медведь и тоже к рукавичке:

— Кто, кто в этой рукавичке живёт?

— Мышка-скреботушка, лягушка-квакушка, зайчик-побегайчик, лисичка-сестричка, волчик-братик и кабан-кlyкан. А ты кто?

— Как вас много! А я медведь-набрeдь. Пустите и меня!

— Куда мы тебя пустим, когда и так тесно?

— Да как-нибудь поместимся.

— Иди, только с краешку!

Влез медведь — семеро стало. Да так же им тесно, что рукавичка вот-вот разорвётся.

Как вдруг дед спохватился — нет рукавички! Он тогда назад — искать её, а собачка впереди бежала. Бежала, бежала, видит — лежит рукавичка и шевелится. Собачка тогда: «Гав-гав-гав!» Звери испугались, как выскочат из рукавички, — да все и разбежались по лесу. Пришёл дед и забрал свою рукавичку.

ПАН КОЦКИЙ

одного человека был старый кот, который уже не мог и мышей ловить. Вот хозяин его взял да и вывез в лес, думает: «На что он мне сдался, только зря кормить буду, — пусть в лесу живёт». Оставил его, а сам уехал. Как вдруг подходит к коту лисичка и спрашивает его:

— Что ты такое?

А он говорит:

— Я — пан Коцкий.

Лисичка говорит:

— Будь ты мне мужем, а я тебе буду женой.

156

Он согласился. Ведёт его лисичка в свою хату, — уж так ему угождает: поймаёт где-нибудь курочку, сама не ест, а ему приносит.

Вот как-то зайчик увидел лисичку да и говорит ей:

— Лисичка-сестричка, приду я к тебе на посиделки.

А она ему:

— Есть у меня теперь пан Коцкий, так он тебя разорвёт!

Заяц рассказал про пана Коцкого волку, медведю, дикому кабану. Сошлись они вместе, стали думать, как бы увидеть пана Коцкого, — да и говорят:

— А приготовим-ка обед!

И принялись судить да решать, кому за чем идти. Волк говорит:

— Я пойду за мясом, чтобы было что в борщ положить.

Дикий кабан говорит:

— А я пойду за свёклой и за картошкой.

Медведь:

— А я мёду принесу на закуску.

Заяц:

— А я капусты.

Вот раздобыли всего, начали обед варить. Как сварили, стали советовать: кому идти приглашать на обед пана Коцкого?

Медведь говорит:

— Я бежать не смогу, если придётся удирать.

Кабан:

— А я тоже неповоротливый.

Волк:

— Я стар уже и плохо вижу.

Выходит, что только зайчик и может идти.

Побежал заяц к лисьей норе; а тут лисичка выбегает, видит — зайчик стоит на задних лапках возле хатки, да и спрашивает его:

— А чего ты пришёл?

Он и говорит:

— Просили волк, медведь, дикий кабан и я прошу, чтобы ты пришла со своим паном Коцким к нам на обед.

А она ему:

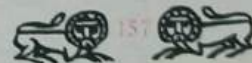
— Я с ним приду, но вы спрячьтесь, а не то он вас разорвёт.

Прибегает зайчик назад и рассказывает:

— Прячьтесь, сказала лисичка, а не то он как придёт, так разорвёт нас!

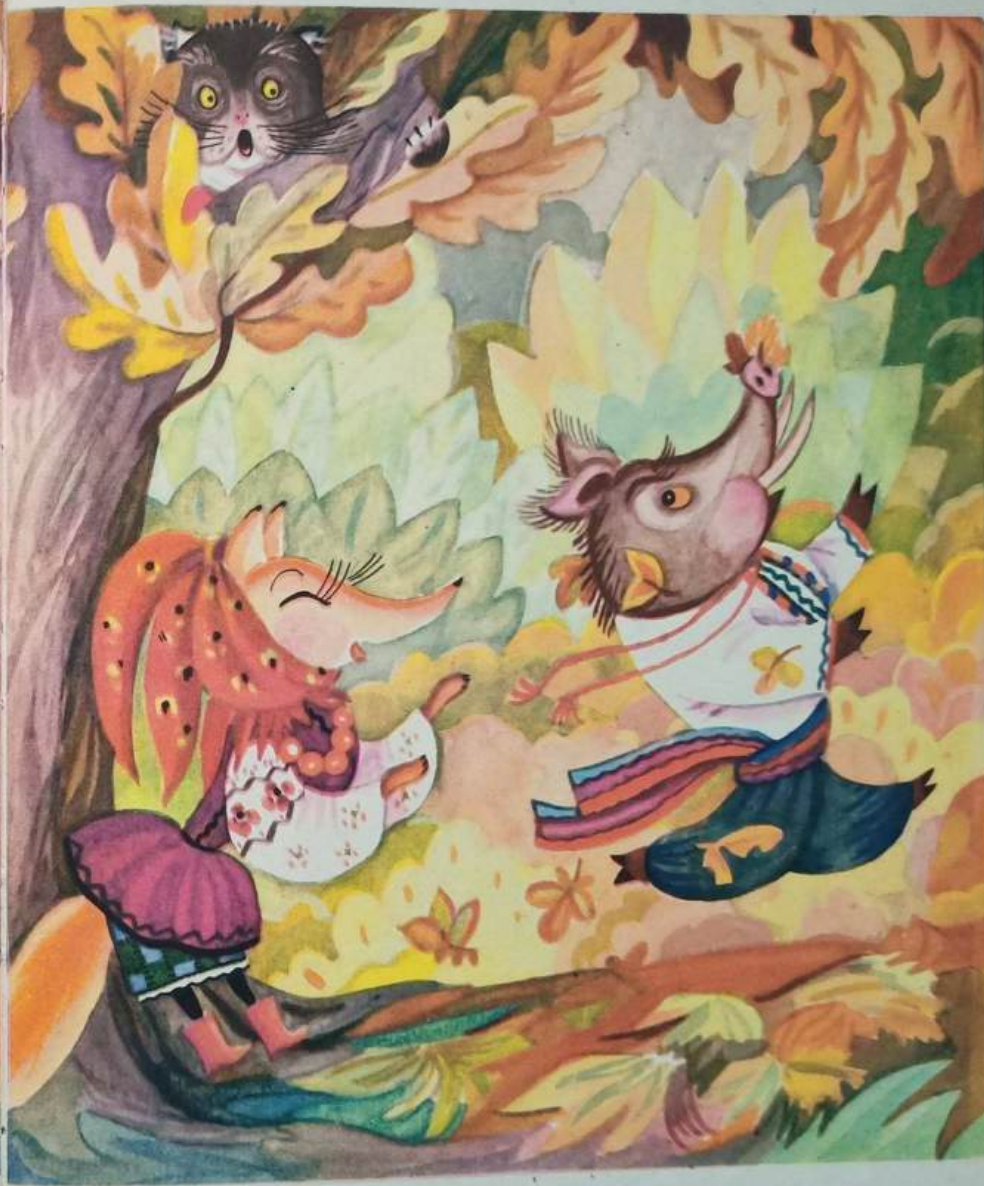
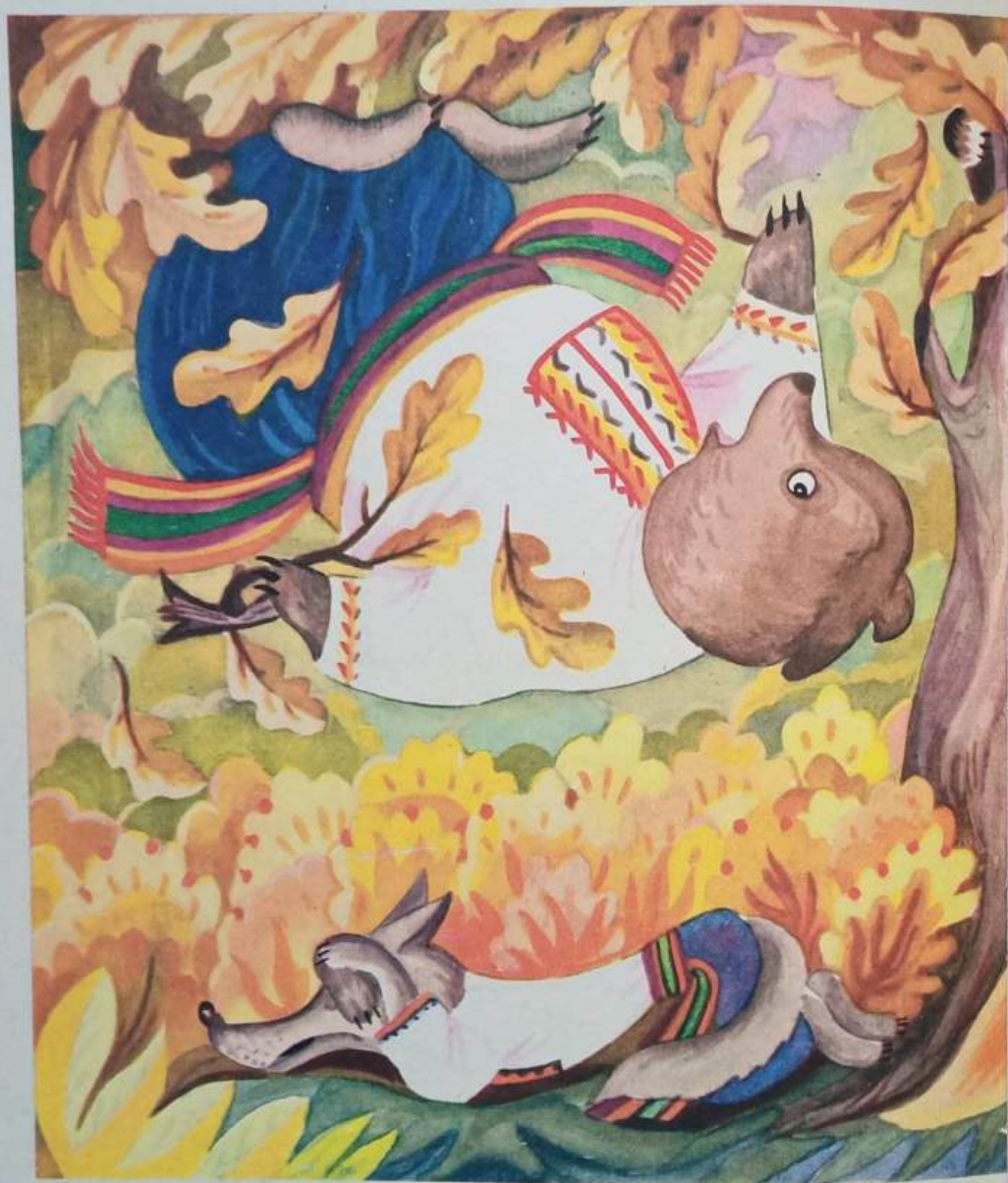
Они и начали прятаться: медведь лезет на дерево, волк садится за кустом, кабан зарывается в хворост, а зайчик лезет в кусты.

А тут ведёт лисичка своего пана Коцкого. Подводит к

157

столу; он увидел, что на столе много мяса, да и говорит:

— Ма-у!.. ма-у!.. ма-у!..

А те думают:

«Вот, чёртов сын, ещё ему мало! Этак он и нас съест!»

Влез пан Коцкий на стол и стал есть так, что за ушами трещало. А как наелся, то так прямо и растянулся на столе. А кабан лежал возле стола в хворосте, да комар как-то укусил его за хвост, а он и крутнул хвостом; кот же думал, что это мышь, да туда, да кабана за хвост!

Кабан схватился да наутёк!

Пан Коцкий испугался кабана, вскочил на дерево да полез туда, где медведь сидел. Медведь как увидел, что кот лезет к нему, полез выше по дереву да так высоко залез, что и дерево не выдержало, — так он вниз и упал — гуп!.. — да прямо на волка, чуть не раздавил беднягу. Как схватятся они, как зададут стрекача — только их и видели, а заяц также за ними — забежал неведомо куда...

А потом сошлись все да и говорят:

— Вот, такой маленький, а а чуть-чуть нас всех не съел!

СКАЗКА ПРО ЛИПКУ И ЖАДНУЮ СТАРУХУ

или-были старик со старухой. Были они очень бедные. Вот старуха и говорит:

— Ты бы, старый, пошёл в лес да вырубил липку, чтобы было чем хату протопить.

— Хорошо, — говорит дед. Взял топор да и пошёл в лес.

Приходит старик в лес, выбрал липку. Только топором замахнулся, чтоб рубить, вдруг слышит — молвит липка голосом человеческим:

— Ой, не руби меня, добрый человеке, я тебе в беде пригожусь!

Старик с перепугу и топор отпустил. Постоял, подумал и домой пошёл.

Приходит домой да и рассказывает, что с ним было. А старуха говорит:

— И какой же ты дурень! Ступай сейчас же к липке да попроси у неё лошадёнку с телегой. Разве мы с тобой не находились пешком?

— Что ж, коли так, то и так,— говорит старик. Надел шапку да и пошёл.

Приходит к липке и говорит:

— Липка, липка! Велела старуха, чтоб ты дала нам лошадёнку с телегой!

— Ладно,— говорит липка,— ступай домой.

Приходит старик домой — стоит возле хаты телега, и лошадка привязана.

— Вишь, старый,— говорит старуха,— теперь и мы люди. Только хата наша вот-вот завалится. Ступай попроси ещё хату. Может, она даст.

Пошёл старик к липке, попросил и хату.

— Ладно,— говорит липка,— ступай домой.

Подходит старик ко двору и не узнаёт: вместо старой хаты стоит новая да нарядная. Радуются оба, словно дети.

— А что, старый, выпросил бы ты ещё скотину да птицу. Тогда, пожалуй, больше ничего и не надобно.

Пошёл старик к липке, попросил и скотину.

— Хорошо,— говорит липка,— иди домой.

Приходит старик, не нарадуется. Полон двор и скота и птицы.

— Ну, теперь уж нам ничего больше не надо,— говорит старик.

— Нет, старенький, пойдёшь попроси ещё денег.

Пошёл старик к липке и попросил денег.

— Хорошо,— говорит липка,— иди домой.

Приходит старик, а старуха сидит за столом и червонцы в стопки складывает.

— Вот, старенький, какие мы теперь богатые! — говорит старуха. — Этого мало, надо ещё, чтоб все люди нас боялись, ведь мы-то теперь богачи. Ступай, старый, к липке, попроси, пускай сделает так, чтоб нас все люди боялись.

Пошёл дед к липке, попросил старик липку, чтобы она так и сделала.

— Хорошо,— говорит липка,— иди домой.

Пришёл старик домой, а там

у них на усадьбе полно войска и полиции, и все их охраняют. Но старухе и того мало.

— Что ж,— говорит старуха,— осталось ещё, чтобы все люди на селе были нашими батраками.

Пошёл старик к липке и просит. Долго молчала липка. А потом говорит:

— Ступай домой, выполняю вам и последнее.

Приходит старик домой, глядь — ничего нету, стоит та же самая старая хата, а возле неё старуха.

Так наказала их липка за то, что захотелось жадной старухе всех людей батраками сделать.

СОДЕРЖАНИЕ

Кирило Кожемяка. Перевод Петникова Г.	5
Курочка ряба. Перевод Шкаровской И.	9
Сказка про Ивасика. Перевод Шкаровской И.	10
Солнце, мороз и ветер. Перевод Чеповецкого Е.	17
Про бедного парубка и царевну. Перевод Шкаровской И.	19
Колобок. Перевод Заславского Р.	33
Ох. Перевод Петникова Г.	36
Козёл и баран. Перевод Петникова Г.	48
Уточка-хромоножка. Перевод Петникова Г.	51
Катигорошек. Перевод Заславского Р.	56
Сказка про котика и петушка. Перевод Карасевой В.	69
Еж и заяц. Перевод Карасевой В.	73
Лисичка-сестричка и волк-братик. Перевод Карасевой В.	78
Названный отец. Перевод Заславского Р.	87
Коза-дереза. Перевод Карасевой В.	94
Яйцо-райцо. Перевод Петникова Г.	101
Лисичка и журавль. Перевод Заславского Р.	115
Иван-Побиван. Перевод Чеповецкого Е.	117
Кошелёчек. Перевод Чеповецкого Е.	122
Соломенный бычок. Перевод Петникова Г.	126
Лошадиная голова. Перевод Чеповецкого Е.	132
Летающий корабль. Перевод Петникова Г.	136
Как апрель к марту в гости ходил. Перевод Чеповецкого Е.	149
Рукавичка. Перевод Карасевой В.	153
Пан Коцкий. Перевод Карасевой В.	156
Сказка про липку и жадную старуху. Перевод Петникова Г.	161

ЛЕТАЮЩИЙ КОРАБЛЬ

Украинские народные сказки

Для дошкольного и младшего школьного возраста

Перевод с украинского Риталия Зиновьевича Заславского, Григория Николаевича Петникова, Веры Евгеньевны Карасевой, Ирины Исаевны Шкаровской, Ефима Петровича Чеповецкого

Составитель Евгения Антоновна Горевая.

Рецензент Анатолий Георгиевич Костецкий

Художники

Адель Григорьевна Гилевич, Нина Михайловна Денисова, Юлий Иванович Крыга, Аркадий Семенович Мильковицкий, Ольга Петровна Сенченко

Редактор Ю. Н. Набока. Художественный редактор В. А. Кавун. Технический редактор Т. В. Осталецкая. Корректоры Э. И. Саталкина, З. В. Лещенко

Информ. бланк. № 1964

Сдано на производство 25. 02. 81. Подписано к печати 29. 05. 81. Формат 60×90/16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура банниковская. Печать офсетная. Услови. печ. л. 20,5. Услови. кр. отт. 125,5. Учетн.-изд. л. 12,69. Тираж 50.000. Зак. 417-1. Цена 1 руб. 50 к. Издательство «Веселка», Киев-4, Бассейная, 1/2. Львовская книжная фабрика «Атлас», 290005, Львов-5, Зеленая, 20.

